

ГАРЕТ ХАНРАХАН

МОЛИТВА ИЗ СТОЧНОЙ КАНАВЫ

«Удивительно
причудливое
виденье.
Читается словно
коллаборация
Хантера Томпсона
и Лавкрафта».

The Guardian

НАСЛЕДИЕ ЧЕРНОГО ЖЕЛЕЗА

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Гарет Ханрахан

Молитва из сточной канавы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Ханрахан Г.

Молитва из сточной канавы / Г. Ханрахан — «Эксмо»,
2019 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-111841-9

Три члена Гильдии воров преданы Мастером своего Братства. Отмщение раскрывает опасный заговор, семена которого были посеяны многие поколения назад. Кари – бродяга, чье прошлое и будущее мрачнее, чем она представляет. Крыс – упырь, собратья которого населяют катакомбы. Шпат – человек, подверженный страшной болезни, что медленно обращает его в камень. Молодые воры оказываются втянутыми в многовековую магическую войну между древними существами, магами и человечеством. Шанс свел их вместе, и их дружба может встать на пути обезумевших богов.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111841-9

© Ханрахан Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ханрахан Гарет

Молитва из сточной канавы

*Для Хелен,
которая велела мне написать книгу,
но, скорее всего, имела в виду не эту...*

Пролог

Ты стоишь на скальном пригорке, изрытом туннелями, как все здешние всхолмья, и с высоты смотришь на Гвердон. Перед тобой сердце старого города – его дворцы, церкви и башни тянутся ввысь, словно руки утопающего, стремятся вырваться из густого лабиринта улочек и обсевших их лачуг. Гвердон всегда был не в ладах сам с собою. Город строился поверх своих предшествующих воплощений, при этом отвергая их, силясь спрятать ошибки прошлого и явить миру новый лик. В усеянной шхерами гавани, которую прикрывают две длинные косы, мельтешат суда путешественников и купцов со всего света. Кто-то из них осядет здесь и сольется с извечным, непреложным Гвердоном.

Кто-то придет сюда, не путешествуя, а спасаясь. Вот ты стоишь сейчас зримым свидетельством свободы, что сулит Гвердон: свободы веры, свободы от угнетения и ненависти. Впрочем, свобода эта условна, непостоянна, в свое время город отдавал власть и тиранам, и фанатикам, и настоящим чудовищам – а ты в этом участвовал, – однако под своим непомерным весом, весом прошлого и мириад жителей, он опять по новой сползал под покров привычной, уютной коррупции, где все дозволено, коли ты при деньгах.

Кто-то прибудет сюда завоевывать и покорять. Тех манит богатство. После одной такой распри родился ты, в честь победителя. Случается, что победители остаются здесь, и городская культура – посеянная и взошедшая – потихоньку в себя их впитывает. А бывает, они собираются с остатками сил и идут дальше, а Гвердон вновь прорастает ввысь из щебенки и пепла, вживляя в плоть свою паутину новых шрамов.

Тебе все это известно, как и много другого, что невозможно высказать вслух. Например, что два сальника сейчас на дежурном обходе, к западу от тебя, и двигаются они с неземной быстротой и изяществом, присущим их роду. Пламя, пляшущее внутри их голов, высвечивает на твоём боку барельеф – камень обессмертил лица покойных судей и государственных мужей, хотя тела их давно сгинули в трупных шахтах. Сальники вертятся туда-сюда, затем поворачивают направо на улицу Сострадания, минуя твои ворота под колокольной.

Тебе известно и еще об одном патруле – эти пока на подходе, там, сзади.

А в промежутке между этими стражами в тени к тебе подкрались три вора. Первый выскакивает из темного проулка и карабкается на твою стену. Руки в лоскутах и лохмотьях с нечеловеческой скоростью находят в осыпающемся камне твоей западной стороны выемки для опоры. Вор пронесется по низкой крыше и спрячется среди статуй с горгульями, когда мимо идет второй патруль сальников. Если даже они поднимут кверху свои мерцающие огненные глаза, то ничего неположенного не углядят.

Что-то в огне этих сальников вселяет в тебя тревогу, но ты не волен предаваться этому чувству – как и любому другому.

Молодой упырь добирается до узкой дверки, куда ходят рабочие, когда чистят свинцовую черепицу. Тебе известно – опять неизвестно откуда, – что дверца не заперта, что стражник, кому полагалось ее запереть, был подкуплен и сегодня пренебрег своим долгом. Молодой упырь трогает дверь, и та беззвучно открывается. Его темно-желтые зубы сверкают под луной.

Назад, на край крыши. Сальников выдает свет – они сейчас далеко, внизу улицы, и вор скидывает конец веревки. Другой грабитель появляется из того же проулка и лезет наверх. Это девушка. Упырь тянет, выбирая веревку, ловит ее за руку и тащит прочь от чужих глаз, пока нет другого обхода. Как только она касается твоих стен, ты понимаешь, что в городе она первый раз – она странница, беглянка. Прежде ее ты не видел, но с прикосновением по тебе пробегает дрожь злости, будто бы ты способен разделить ее чувства.

Раньше ничего подобного ты не ощущал и теперь призадумался. Ее ненависть не к тебе, но к мужчине, который принудил ее прийти сюда ночью, но ты все равно изумлен этому странному чувству, пока оно гуляет вдоль конька твоей крыши.

Девушка тебе чем-то знакома. Девушка для чего-то важна.

Ты слышишь стук ее сердца, ее мелкие, суетливые вдохи, чувствуешь, как кинжал в ножах надавливает на бедро. Однако что-то в ней кажется незавершенным. Что-то утеряно.

Они с упыренком исчезают за дверцей, мчат по твоим коридорам, мимо рядов кабинетов, а потом по боковой лестнице вниз, на первый этаж. Внутри побольше охраны, и она из людей – но сторожа разведены по хранилищам на северной стороне, под главной башней. Здесь, в логове бумаг и записей, их нет – двух грабителей так и не заметили, пока они спускались. Вот они подходят к одной из боковых дверей: для писцов и секретарей в рабочие дни. Та дверь под замком – и зарешечена, и засовы задвинуты, но девушка успевает отомкнуть замок, а засовами шерудит упырь. Дверь уже отперта, но они не открывают ее. Девушка прижалась к замочной скважине и наблюдает, ждет, пока сальники не пройдут снова. Ее рука ощупывает горло, как будто в поисках привычного ожерелья, однако шея голая. Девушка гневно щерится, и тебя буравит вспышкой ее злости из-за этого ограбления.

Ты прекрасно осведомлен об упыре, о его присутствии внутри тебя, но девушка ощущается намного жарче, и тебе передается ее возбужденное нетерпение – она ждет, пока марево от свечей сальников не истает. И боится – ведь сейчас наиболее опасная часть всего дела.

Она ошибается.

И снова сальники заворачивают на улицу Сострадания. Тебе хочется успокоить ее – все тихо, их не видать, – но не выходит обрести голос. Не важно: она приоткрывает щелочку, делает жест – и последний из троицы громыхает к тебе из переулка.

Сейчас, когда он топает по улице в наихвостейшем темпе, на который способен, тебе ясно, зачем им понадобилось взламывать дверь первого этажа. Третий в их группе – каменный человек. Ты помнишь, когда эта хворь – или проклятие – пустила в городе первые корни. Ты помнишь панику, перепалки о высылках в лагерь, о карантине. Алхимики вовремя нашли подходящее средство, и полномасштабную эпидемию предотвратили. Но в городе по-прежнему остаются очаги, участки болезни – и поселения хворых страдальцев. Если вовремя не распознать первые признаки заразы, то получится вот такое вот чучело, что теперь пробирается на твой порог, – человек, чья плоть и кость мало-помалу обращаются в камень. Зараженные этой пакостью становятся безмерно сильны, только вот любой износ организма, любая ранка ускоряет, подстегивает их обызвествление. Внутренние органы поражаются последними, так что к концу они – живые статуи, не способные ни ходить, ни видеть, навсегда прикованные к своему месту. Дышат они с трудом и сохраняют жизнь только благодаря милости других.

Этот каменный человек еще не был парализован, хотя и шел, неуклюже подтягивая правую ногу. Девушка морщится от шума, когда закрывает за ним дверь, зато ты чувствуешь доселе незнакомую дрожь радости, когда все друзья оказались теперь в безопасности. Упырь уже двигался дальше, трусил по длинному тихому проходу, обычно полному узников и стражей, свидетелей и судейских, стряпчих и лжецов. Он бежал на четвереньках, как серый пес. Девушка и каменный человек за ним, она, как и раньше, на ходу пригибалась, но его тело не было настолько податливым. На счастье, окна прохода не выходили на улицу, поэтому, если патрульные сальники и глянули б в эту сторону, не заметили бы его.

Воры ищут что-то. Осматривают одну комнату, потом другую. Эти комнаты были под надежной защитой, закрыты железными дверьми, но камень сильнее, и каменный человек гнул или ломал эти двери одну за другой, оставляя дыру, достаточную, чтобы упырю или девушке-человеку протиснуться внутрь.

Раз девушка ухватила каменного человека за локоть и поторопила его идти дальше. Уроженка города в жизни не сделала бы ничего подобного добровольно, разве только имела бы при себе снадобье алхимика. Проклятие заражает через прикосновение.

Они обыскали новую комнату, затем еще и еще. Там были сотни тысяч бумаг, упорядоченных по тайной секретарской схеме – она шепотом передавалась из уст в уста, как секрет фамильного клада. Если бы ты знал, что ищут воры, и они бы понимали твою речь, то, наверно, смог бы подсказать им, где это найти. А так они шарили почти вслепую.

Они искали – и не могли отыскать. Нарастала тревога. Девушка спорила – им пора уходить, бежать, пока их не раскрыли. Каменный человек качал головой, упрямый и непреклонный, как... ну да – как камень. Упырь держал мысли при себе, но горбился, надвигал на лицо капюшон, как бы отстраняясь этим от спора. Поиски продолжались. Быть может, оно в следующей комнате.

Внутри тебя, в другом помещении, один охранник спросил другого, не слышит ли тот кой чего. А то вдруг не взломщики ли к ним пробрались? Остальные стражники с любопытством переглянулись, и тут в отдалении каменный человек вышиб очередную дверь, и теперь внимательная и чуткая охрана определенно это услышала.

Тебе известно – известно одному лишь тебе, – что стражник, предупредивший товарищей, и был тем, кто оставил незапертой дверцу на крыше. Стражники рассредотачиваются, бьют тревогу и начинают прочесывать твой лабиринт. Три грабителя разделяются, пытаются ускользнуть от преследователей. Ты видишь погоню с обеих сторон – и жертв, и охотников.

И после того как охранники покидают пост в хранилище, внутрь проникают другие. Двое, трое, четверо забираются откуда-то снизу. Как же ты до этого их не чувствовал? Как же они подступили к тебе, вошли в тебя незамеченными? Они двигаются согласованно, опытно, каждое движение их выверено. Заслуженные мастера в своем деле.

Стражники обнаруживают устроенный каменным человеком погром и начинают обыскивать южное крыло, но твое внимание сосредоточено на незнакомцах в хранилище. Стража ушла, и они работают беспрепятственно. Они разматывают некий сверток, прислоняют к дверям хранилища, зажигают фитиль. Он вспыхивает ярче свечи любого сальника, шипит, взрывает, а затем...

...Ты горюшь, ты пробит, разорван, ввергнут в кромешный хаос. Пламя струится по тебе, все эти тысячи документов занимают в один миг, старые деревянные полы подпыхивают страшную геенну. Трещат камни. Твой западный коридор схлопывается, каменные лица судей валятся на улицу и раскалываются о булыжник. Огонь ошеломляет тебя, и твое *знание* событий умалется. Любая поглощенная им твоя часть больше не твоя, а просто горящая головня. Огонь тебя пожирает.

Но ты еще видишь грабителей – упыря, каменного человека и девушку-странницу, что за единый миг научила тебя ненавидеть. Вскоре ты наверняка перестанешь их узнавать. Они мечутся то тут, то там, в твоём стремительно распадающемся сознании, перебегая по разным частям тебя.

Когда девушка мчится через центральный двор, а сальник за ней вдогонку, ты ощущаешь каждый шаг, каждый панический вздох, пока она виляет, пытаясь оторваться от существа, движущегося куда скорее, чем тот предел, на который ее людская плоть могла и надеяться. Все же беглянка умна – ловко срезает угол обратно в горящее крыло и пропадает из твоего восприятия. Сальник мешкает бросаться за ней в пламя – боится преждевременно растаять.

Ты теряешь след упыря, но каменного человека заметить легко. Он выкатывается в зал Верховного суда, ударяется о деревянные сиденья, где восседают Справедливость и Милосердие, когда идут прения и слушания дел. Бархатные подушки зрительской галереи уже в огне. Вваливаются новые преследователи. Он слишком медлителен, не убежать.

Вокруг тебя, вокруг того, что от тебя осталось, разлетаются сигналы тревоги. Пожар таких размеров обязан быть удержан на месте любой ценой. Люди из домов по соседству бросают жилища либо окатывают водой свои крыши: их подпалили искры твоего огненного ада. Другие толпятся, пялят глаза, будто разрушение одного из величайших учреждений города устроили между делом им на забаву. По улицам спешат повозки алхимиков с чанами подавляющих пламя жидкостей – получше воды, если сталкиваетесь с таким пышущим горнилом, как это. Опасность большого огня в городе им знакома: бывало, в прошлом бушевали грандиозные пожарища – правда, за последние десятилетия ни одного. Пожалуй, с алхимическим варевом и выучкой городской стражи людям удастся сдержать пожар.

Но для тебя это уже слишком поздно.

Слишком поздно, и ты слышишь, как твои сестры и братья кричат, разносят тревогу, поднимают город навстречу опасности.

Слишком поздно, и ты осознаёшь, кто ты есть. Твое сознание ужимается, прячется внутрь сосуда-носителя. Вот кто ты есть, если даже и не был таким всегда.

Тебя охватывает другое чувство – страх, – когда пламя карабкается вверх по башне. Что-то под тобой проламывается, и башня резко оседает набок, раскидывая тебя во все стороны по камешку. Твой голос – лязг среди гама и суматохи, зычный предсмертный хрип.

Твои опоры ломаются, и ты падаешь.

Глава 1

Кариллон затаилась в тени, не сводя с двери глаз. В руке нож – скорее самовнушение для храбрости, а не смертоносное оружие. Она дралась и прежде, бывало, и резала, но сталью не убивала никого. Полоснуть и смыться – вот ее стиль.

Если появится один стражник, то она выждет, пока он пройдет мимо ее укрытия, потом подкрадется и вскрыет ему глотку. Нет. Она попыталась отмахнуться от этой картины. Не получилось. Может, удастся просто напугать его и свалить – ну ладно, пырнуть в ногу, чтобы не смог броситься в погоню.

Если их двое, то она дождется, пока друзья не окажутся рядом, прошипит им сигнал и прыгнет на одного охранника. Уж вдвоем-то со Шпатом и Крысом они наверняка снимут двух стражников и не спялятся.

Наверняка.

Если трое, план тот же, только будет чуть опаснее.

Она не стала обдумывать худой случай – что среди них окажутся не такие же, как она, люди, те, кого сможет порезать ее жалкий кинжальчик, а нечто пострашнее, вроде сальников или бакланьих бошек. Этот город наплодил кошмаров себе под стать.

Все ее инстинкты твердили бежать, забирать друзей и уматывать – уж лучше рискнуть гневом Хейнрейла за возвращение с пустыми руками. А еще лучше не возвращаться совсем, а выбрать Вдовьи либо Речные ворота, сейчас же ночью выйти из города и до рассвета убраться отсюда на дюжину миль.

Шестеро. Дверь открылась, и стояло там шесть стражников, людей – раз-два-три здоровых лба в мореной коже с булавами в руках и еще трое с пистолетами. На миг она застыла в ужасе, не в силах нападать, не в силах бежать. Приперта к старой каменной холодной стене.

А потом... она почувствовала, как эта стена содрогнулась еще до того, как раздался рев и грохот. Вся Палата Закона словно бы раскололась. Она жила в Северасте в то время, когда там потрянуло землю, но тогда было по-другому – а тут похоже на удар молнии и громовой треск прямо над ней. Она выскочила не думая, словно ее в самом деле отбросило взрывом, и прыгнула меж опешивших стражников. Один бахнул из пистолета – щекотнули искры, голову обдало дуновением, и по спине замолотили осколки металла и камня, но боль не распустила бутон, и уже на бегу она поняла, что не задета.

За мной, молила она и наобум мчалась по коридорам, кидалась наугад в разные комнаты и отлетала от запертых дверей. Судя по крикам за спиной, кто-то за ней таки погнался. Это как воровать на рынке фрукты – один устраивает беготню всем напоказ, отвлекая торговца, а другие хватают по яблоку и еще одно бегуну. Только если ее поймают сейчас, то не отпустят, просто закатив взбучку. Все равно шанс в скорости у нее, а не у Шпата.

Она взбежала по короткой лесенке, и там из-под двери пробивалось оранжевое свечение. Сальники, решила она, представив на той стороне их пылающие фитили, прежде чем осознала – вспыхнуло и объято огнем все северное крыло здания! Стража уже близко, поэтому дверь настежь и туда, пригнувшись пониже от струй густого черного дыма.

В обход, по краешку горящей комнаты. Это библиотека, с рядами многоярусных полок, а на них – переплетенные тканью книги, учетные журналы гражданских ведомств, парламентские протоколы. Библиотека занимала полкомнаты. Вторая же половина только что *была* библиотекой. Старые книги прогорают быстро. Она схватилась за стену и на ощупь побрела сквозь дым, не отрывая правую руку от каменных блоков, а левой разгребала воздух перед собой.

Один из стражников оказался храбр и ворвался следом, но, догадалась она по крику, решил, будто она ринулась навстречу огню, и понесся дальше прямо. Хруст, треск, и кружит искровый дождь – это опрокидывается стеллаж с книгами. Оклик стражника превращается в

мучительный вопль, но помочь ему она не в силах. Едва-едва удается дышать, она ничего не видит. Но борется с паникой и продолжает идти вдоль стены.

Палата Закона – это такой четырехугольник с зеленой лужайкой посередине. Там вешают воров, и петля кажется лучшей участью по сравнению с немедленным сгоранием заживо. И еще в ряд шли окна, верно? По внутренней стороне здания, и смотрели как раз на лужайку. Она была уверена – окна есть, обязаны быть, потому что сзади сомкнулось пламя и обратного пути нет.

Растопыренные пальцы левой дотронулись до теплого камня. Боковая стена. Она принялась водить руками, скрести по стене в поисках окон. Те оказались выше, чем ей помнилось: еле достать до подоконника, если вытянуться на цыпочках. Стекла в окнах толстые, со свинцом, и хоть некоторые лопнули от пожара, ее окно было нетронуто. Она схватила с полки книгу и запустила в стекло – безуспешно. Книга отлетела обратно. Отсюда разбить окно нечем.

С внутренней стороны подоконник в ширину меньше дюйма, но если получится на него забраться, то, может, она сумеет как-нибудь выдавить стеклянный лист и проделать лаз. Она отступила, чтобы взять разбег для прыжка, и тут рука стиснула ей лодыжку.

– Помоги!

Это стражник, который ворвался за ней. Горящий стеллаж, должно быть, упал на него. Со страшно обгорелым левым боком он выполз, волоча неподвижную, вывернутую ногу. На почерневшем лице сочились каплями бело-розовые язвы.

– Нечем помочь.

Он сжимал пистолет, пытался в нее целиться, все еще держа за ногу, но она проворней. Вцепилась в его руку, вытянула повыше и спустила курок за него. Хлопок возле уха, она оглохла, но выстрел разнес окно. Сыплются обломки рамы и куски стекла – и в закопченном окне остается дыра. Достаточная, чтобы проползти, если удастся туда забраться.

В этой дыре показалось лицо. Желтые глаза, бурые зубы, рубцеватая шкура – ухмылка, полная отвратительно-острых зубов. Крыс тянет в окно свою обмотанную тряпьем руку. Сердце Кари чуть не выпрыгивает наружу. Она очень хочет выжить. В этот миг чудовищная, безобразная морда друга ей кажется столь же прекрасной, как безупречные черты однажды виденного святого. Она бросается к Крысу – и останавливается.

Сгореть – ужасная смерть. Прежде ей было не до сравнений, но теперь такой исход отчетливо рядом и от этого кажется худшим способом умереть. Голова полна чем-то странным – да, мыслит она явно не стройно, но среди дыма, жара и ужаса странное становится вполне естественным. Она села на колени и просунула руку под плечи стражника – потом помогла ему встать на уцелевшую ногу и дохромать до Крыса.

– Ты чего это делаешь? – Упырь зашипел, но тоже не колебался. Хапнул стражника за плечи, когда раненый оказался у окна, и утянул в дыру. Потом вернулся за ней, протащил в живительную прохладу дворика под открытым небом.

Стражник стонет и уползает в траву. Этого как бы милосердного поступка с них довольно, решила Кариллон, дальнейшее непозволительно.

– Это ты натворила? – спросил Крыс в благоговейном ужасе, вздрогнув, когда часть горящего здания схлопнулась сама в себя. Языки пламени свились вокруг основания огромной колокольни, что нависала над северным фасадом четырехугольного сооружения.

Кариллон покачала головой.

– Нет, там чего-то... бабахнуло. Где Шпат?

– Сюда. – Крыс метнулся в сторону, и она понеслась за ним. На юг, по краю сада, мимо старых пустых виселиц, прочь от пожара, к судейским залам. Теперь уже никак не забрать того, за чем они явились, даже если документы, которые ждет Хейнрейл, еще существуют, а не опадают вокруг бураном белого пепла, но, может, им удастся от него отвертеться – лишь бы полу-

чилося выбраться отсюда на улицу. Только бы найти Шпата, найти эту большую, тормозную, хромую каменную глыбу и свалить.

Она могла б его бросить, точно как Крыс мог бы оставить ее. Упырь в мгновение ока перемахнул бы через стену; упыри – поразительные верхолазы. Но они друзья – первые настоящие друзья, которые появились у нее за долгое время. Крыс подобрал ее на улице, после того как она оказалась в этом городе одна и на мели, и он же познакомил ее со Шпатом, а тот поделился с ней кровом для ночлега.

И Хейнрейлу ее тоже представили эти двое, но в том не было их вины – на гвердонском дне господствовало воровское Братство, в том же ключе, как промышленностью и торговлей правили картели гильдий. Если они попались, то виноват Хейнрейл. Еще одна причина его ненавидеть.

Впереди боковой вход, и если она не попутала направление, то дверь откроется неподалеку от места, где они вошли, и там-то они и отыщут Шпата.

Не успели они добежать, как дверь открылась и вышел сальник.

Пылающие глаза на бледном, восковом лице. Он стар, изношен и истончен – кое-где прямо просвечивает, и огонь внутри его сияет сквозь прорехи в груди. У него огромный топор – такой здоровый Кари не поднять, но он легко крутит им одной рукой. Он смеется, когда видит их с Крысом на фоне огня.

Они поворачиваются и бегут в разные стороны. Крыс ломится влево, взбирается на стену горящей библиотеки. Она поворачивает вправо, надеясь скрыться в темноте сада. Попробовать спрятаться за виселицей или каким-нибудь памятником – приходит мысль, но сальник быстрее, чем она может представить. Он кидается вперед одним промельком движения, и вот он перед ней. Взмывает топор, она бросается вниз, вбок, и топор шелестит совсем рядом.

Опять этот смех. Он с ней играет.

Она обнаруживает в себе отвагу. Обнаруживает, что не выбросила нож. Она вгоняет его прямо в податливую, восковую грудь сальника. Его одежда и плоть – одна и та же субстанция: тянущая и рыхлая, как теплый свечной воск, и лезвие входит без сопротивления.

Он опять только смеется, рана затягивается так же быстро, как и открылась, и нож теперь в его руке. Он переворачивает его, тычет книзу, и ее правое плечо внезапно черно и мокро от крови.

Она пока ничего не чувствует, но знает, что боль близко.

Она снова бежит, спотыкаясь, навстречу пламени. Сальник не спешит, ему туда неохота, но гонит ее, понукает ее и посмеивается. Он предлагает ей смерть на выбор – на полном ходу вбежать в огонь и сгореть, истечь кровью тут, на траве, где с жизнью расстался не один вор, или повернуться и дать ему расчленить себя ее же ножом.

Ну зачем она вообще вернулась в этот город?

Жар зарева палит лицо. Воздух настолько горяч, что больно дышать, и она понимает – запах золы и жженой бумаги никогда, нипочем ее не покинет. Сальник подстроил под нее свой шаг и рыскает туда-сюда, постоянно блокируя ее попытки прорваться.

Она устремляется к северо-восточному углу. Эта часть Палаты Закона тоже в огне, но полыхает там вроде бы послабее. Может, она сумеет добраться туда и сальник за ней не пойдет. Может быть, она даже туда доберется и он не успеет срубить ей топором голову. Она бежит, поддерживая кровоточащую руку, а мысли лишь о топоре, готовом в любой миг опуститься, врубиться ей в спину.

Позади смеется и не отстаёт сальник.

А потом грянул звон: бьет гигантский колокол, и звук этот поднимает Кариллон вверх, выше себя самой, выше темного двора и горящего здания. Она взлетает над городом, воспарив из горелых ошметков, как феникс. За ней и под ней опрокидывается колокольня, и сальник визжит, когда его сокрушают раскаленные глыбы.

Она видит, как Крыс карабкается по крышам и пропадает в темноте на другой стороне улицы Сострадания.

Она видит, как Шпат тяжело ступает по горящей траве, подходит к пылающей грудке обломков. Видит собственное тело, лежащее посреди разрухи, под осыпью тлеющих углей. Глаза широко распахнуты, но незрячи.

Она видит...

Покой каменному человеку – смерть. Надо двигаться, заставлять кровь струиться, а мускулы сокращаться. Если нет – артерии и вены станут протоками, вырубленными в скалистой тверди, а мускулы превратятся в замшелые валуны. Шпат вечно в движении, даже когда спокойно стоит. Он напрягает мышцы, подергивается, покачивается с ноги на ногу: под лежащий камень вода не течет – ага, очень смешно. Шевелит челюстью, языком, без конца водит глазами. Особый его страх – отвердение языка и губ. Другие каменные люди владеют секретным языком щелчков и стуков, негласным кодом, работающим даже тогда, когда их уста навеки застынут, но в городе мало кто на нем говорит.

Поэтому, когда все слышат громовой раскат, или что там было, Шпат уже в движении. Крыс быстрее его – однако Шпат поспевает как может. Правая нога подволакивается. Колено онемело и не гнется под каменной скорлупой. Алкагест может его подлечить, если получится раздобыть его вовремя. Лекарство дорогое, но замедляет развитие болезни, не дает плоти превращаться в камень. Только его надо колоть подкожно, а ему все трудней и трудней продырявливать свою шкуру и доставать до живой плоти.

Он едва ощущает жар на полыхающем дворике, хотя догадывается – будь на лице побольше здоровой кожи, заработал бы ожог от горячего воздуха. Он оглядывает обстановку, пытается выявить смысл в танце пламени и стремительных силуэтов. Крыс, преследуемый сальником, исчез на крыше. Кари... Кари тут, под сором и обломками башни. Шатаясь, он пересекает двор, молит Хранителей – пусть она окажется живой, но сам полагает, что найдет ее обезглавленной топором сальника.

Она жива. Оглушена. Глаза распахнуты, но незрячи, что-то про себя бормочет. Рядом лужа и горящий фитиль, изогнулся, как разъяренная кобра. Шпат затаптывает фитиль, добывает гадину, потом сгребает Кари в охапку, осторожно, чтоб не задеть голую кожу. Она почти ничего не весит, поэтому он легко несет ее на плече. Поворачивается и бежит по пути, которым они пришли.

Громыкает по коридору, уже не заботясь о шуме. Может, им повезло, может, огонь отогнал сальников. Мало кто отважится на драку с каменным человеком, а Шпат знает, как выигрывая использовать свои размеры и силу. Все равно не годится пытаться удачу на сальниках. Не то впрямь придется ставить все на удачу – один удар каменных кулаков разбрызжет эти восковые отливки гильдии алхимиков, но они очень быстры, и будет везеньем этот один удар нанести.

Он пронесется мимо изначальной двери на улицу. Чересчур очевидный выход.

Натыкается на здоровые двойные двери с орнаментом и расшибает их в щепки. За ними зал суда. Он был здесь раньше, пришло ему в голову, давным-давно. Когда отца приговорили к повешению, Шпат стоял вон там, наверху, в зрительской галерее. Смутно помнилось, как мать волокла его по коридору, а он висел на ее руке мертвым грузом, отчаянно боясь уходить, но неспособный озвучить словами свой страх. Хейнрейл и другие выстроились вокруг матери, как негласная почетная стража, и сдерживали давку толпы. Пожилые мужчины, пропахшие улицей и выпивкой, несмотря на богатые одежды. И шептали ему, что отец жил правильно и что Братство о них позаботится, уладит любые вопросы.

Теперь это означало алкагест. Шпат волок ногу через зал суда, и она начала болеть. Ничего хорошего – значит, начала обывествляться.

– Стой на месте.

Человек сделал шаг и загородил дальний выход. Он был одет в кожу и замызганный зеленый полуплащ. За поясом шпага и пистолет, а держит он большой, обитый железом посох с острым крюком на конце. Сломанный нос боксера. Волосы, похоже, откочевали на юг – спасаясь с лысой макушки, они заселили густой лес косматой черной бороды. Мужчина крупный – но всего лишь плоть и кости.

Шпат бросается вперед в самом скоростном для каменного человека темпе. Это напоминает лавину, но мужчина отскакивает вбок, и обитый железом посох слетает вниз, точно под правое колено Шпата. Шпат оступается, врезается в дверной проем, сминая доски своим весом. Он не падает только от того, что впечатался в стену ладонью, кроша обшивку, как сухую листву. Выпускает Кари, и та кувyrкается на пол.

Человек откидывает с плеч плащ. На груди его приколот серебряный знак. Он лицензированный ловец воров, охотник за головами. Возвращает пропавшую собственность, осуществляет санкционированную месть за богатых. Не из городского дозора, а внештатный вольнонаемный.

– Я сказал, стой на месте, – говорит ловец воров. Огонь подступает ближе – уже загорается верхняя галерея, – но в низком голосе мужчины ни отзвука беспокойства. – Шпат, это ты что ли? Парень Иджа? А девчонка кто?

Шпат отвечает: сворачивает дверь с петель и швыряет ее, восемь футов цельного дуба, в этого человека. Тот пригибается, ступает вперед и снова всаживает посох, как копье, в ногу Шпата. В этот раз что-то хрустит.

– Кто тебя сюда послал, парень? Скажи мне, и, возможно, я позволю ей жить. Может, даже помогу тебе спасти ногу.

– Вали на кладбище.

– После тебя, малый. – Ловец воров движется почти с быстротой сальника иогревает Шпата посохом по ноге в третий раз. Боль разбегается волной землетрясения, и Шпат валится. Прежде чем он пытается взгромоздить себя на ноги, ловец воров за его спиной – жердина падает четвертым ударом, прямо по хребту, и все тело Шпата цепенеет.

Он не может пошевелиться. Он стал камнем. Целиком камнем. Живой могилой.

Он кричит, ведь рот его действует, орет и хнычет, умоляет, канючит пощадить его, или убить, или сделать что угодно, только не оставлять его тут, запертым в развалинах своего тела. Ловец воров пропадает, и пламя подходит все ближе и – наверное – жарче, но он не чувствует его жара. Через какое-то время прибывают стражники. Они суют ему тряпку в рот, выносят его наружу и ввосьмером заваливают на телегу.

Там он и лежит, вдыхает запах пепла и вонь алхимической слизи, предназначенной тушить пожар.

Ему видно только дно телеги, устланное несвежей соломой, но голоса слышны. Стражники носятся в разные стороны, толпа охает и ахает, пока сгорает Верховный суд Гвердона. Новые крики: дайте дорогу, дайте дорогу.

Шпат медленно плывет в темноту.

Опять голос ловца:

– Один смотался по крышам. Пусть его хватают ваши свечи.

– Южное крыло погибло. Все, что можно – спасти восточное.

– Шесть трупов. И сальник. Попал в огонь.

Другие голоса, рядом. Женщина в холодной ярости. Мужчина постарше.

– Это удар по правопорядку. Объявление анархии. Войны!

– Пепелище остынет не скоро. Мы не узнаем, что пропало, пока...

– Значит, это каменный человек.

– Главное не что мы сумеем спасти, а какие меры предпримем.

Телега покачивалась взад-вперед, и подле Шпата кладут другое тело. Он не видит, кого, но слышит голос Кари. Она по-прежнему бормочет под нос непрерывным потоком слов. А он пытается хотя бы буркнуть, подать знак, что она не одна, что он до сих пор здесь, в скорлупе из камня, но рот обвязан кляпом, и не выходит ни звука.

– Что тут у нас, – произнес новый голос. Шпат чувствует нажим на спине – очень-очень легкий, очень-очень далекий, такой нажим почуяла бы гора, когда б на нее сел воробей, – а затем укол боли, как раз в том месте, куда огрел ловец воров. По нервам опять проносится вспышка, и он радостно встречает дикую боль в оживающих плечах. Алкагест, крепкая доза благословенного, жизнедарящего алкагеста.

Он снова будет двигаться. Он пока не стал камнем. С ним еще не покончено.

Шпат прослезился от благодарности, но слишком устал – и говорить, и шевелиться. По венам растекался алкагест, отгоняя паралич. Иногда и каменный человек может отдохнуть неподвижно. Теперь легче легкого прикрыть глаза, они больше не открыты намертво, и легко быть убаюканным в сон под ласковый бормоток подруги...

Допреж града сего было море, а в море был Тот, Кто Родит. И народ равнин приходил к морю, и вестники его слышали глас Того, Кто Родит, и толковали народу равнин о славе Его, и учили их поклоняться Ему. У берега разбили они шатры и возвели посреде руин первый храм. И Тот, Кто Родит, послал из моря благих зверей Своих поглощать мертвых с равнин, дабы души их могли сойти к Нему и обитать с Ним внизу во славе вечно. Возрадовался народ равнин и даровал мертвых своих зверям тем, и уплывали звери обратно к чертогу Его.

И стали шатры селением на руинах, а селение стало городом новым, и народ равнин стал народом города, и возрастало число их, покуда стало не счесть его. И благие звери тоже становились тучны и мощны, ибо все те, кто умирал в граде сем, бывали дарованы им.

Тогда голод пришел в город, и лед сковал залив, и урожай на землях окрест увядал и обращался во прах.

Голодны были люди и поели животных на полях своих.

Затем поели они животных на улицах своих.

Затем согрешили они против Того, Кто Родит, и нарушили рубеж храма, и убили зверей благих, и вкусили их святой плоти.

Рекли жрецы людям – как теперь души мертвых попадут к Богу, в водах живущему? Но отвечали люди – что нам мертвые? Кошь не поели бы мы, и мы были бы мертвые.

И убили они жрецов, и поели их тоже.

И по-прежнему голодали люди, и многие умерли. Мертвые полонили улицы, ибо не стало больше зверей священных, кто унес бы их во глубины божии.

Мертвые полонили улицы, но были они неприютны и бестелесны, ибо останки их поедены были теми людьми, кто уцелел.

И народ града сего пришел в упадок, и стал народом могил, и малым было число их.

Чрез замерзшее море пришел новый народ, народ льда, и явились они в город и сказали: услышьте, велик град сей, но пуст. Покинуты даже храмы его. Отныне нам обитать здесь, и искать прибежище от холода, и возводить здесь церкви богам нашим.

Там, где отступился народ могил, вынес тяготы народ льда и пред холодом выстоял. Но умерли многие и средь них тоже, и тела их поместили в могилы по обычаю их. И народ могил похищал те тела и поедал их.

И так народ льда и народ могил пережили зиму.

Когда же растаял лед, стал тогда народ льда народом города, а народ могил стал упырями. Ибо также были они, на лад свой, народом города.

И вот так в Гвердоне появились упыри.

Глава 2

– Просыпайся.

Тычки каменных пальцев пробудили ее. Кари открыла глаза, глядя в небесную синь. Слышался плеск воды. Она села, поморщилась – ныли плечи. Кто-то перевязал и замотал рану от ножа, которой наградил ее сальник.

Тонкая работа, Шпат бы не справился.

– Замучился ждать, пока ты проснешься, – сказал Шпат и пожал плечами. И двинулся по кругу в обход их островка.

Искусственный остров: каменная колонна посередине резервуара с водой; искусственное озеро в окружении высоких стен. Под открытым небом. Вода застойная и ржавая, где не сверкает радугой алхимических отходов. Камни облепила зеленая слизь. Оглядевшись, она замечает в стене железные ворота.

– Где мы?

– Без понятия. Наверно, в тюрьме для каменных людей. – Предусмотрительно. Шпат мог бы вынести эти ворота, но ему пришлось бы преодолеть воду, а он чересчур тяжел и не мог плавать, и какая тут глубина – неизвестно. А каменным людям все-таки надо дышать.

– Это остров Статуй? – Она слышала об острове каменных людей далеко в водах бухты, о поселении времен первого появления хвори в Гвердоне – туда изгоняли и оставляли окаменевать пострадавших. Она провела руками по лицу и телу – испугалась, не подхватила ли проклятие сама. Никаких каменных опухолей не нашла, зато на лице и ладонях дюжины болезненно щиплющих точек, как будто ее покусали огненные осы.

Шпат разрешил ее сомнения.

– Нет, пару минут назад я слышал колокола Нищего Праведника, значит, мы где-то в верхней Мойке.

Кари вытянула руку.

– Поможешь встать?

Шпат не двинулся, лишь неодобрительно цокнул языком.

– Ладно, ладно. – К каменному человеку не прикоснись. В каждом городе, где она была, имелись свои правила и запреты, и чем быстрее ты их усвоишь, тем лучше. Хотя Кариллон родилась в Гвердоне, выросла она в деревне, вдалеке от хвори. Она осторожно поднялась, стараясь не опираться на раненую руку. – Как мы сюда попали?

– Меня поймал один ловец воров. Потом бросили на телегу и притащили сюда. – Он потянулся, каменные чешуйки царапнули друг о друга. – Тебя тоже поймали. Что с Крысом – не знаю.

– Ты им сказал, что мы не поджигали суд?

– Кому сказать-то? – поинтересовался Шпат. – Я и не видел-то никого, как очнулся.

Кари сложила ладони рупором и прокричала:

– Эй! Тюремщик! Мы проснулись, неси завтрак!

Шпат оценил положение солнца на небе:

– Поздновато завтракать.

– И обед! – крикнула Кари. Прошло немало времени с тех пор, как она ела трижды в день, и попытка пришлась бы кстати.

За стеной засмеялись, но никто не ответил. Кари опустилась на валун, наименее неудобный из прочих.

– Давай расскажем правду, как было, – предложила она. – Скажем, что дом поджигали не мы. Черт, мы с Крысом даже спасли из огня одного стражника.

– Но некоторые из охраны погибли.

– Так мы тут ни при чем! Ты же никого там не прибил?

– Пытался ударить ловца воров.

– Ты убежал, спасаясь из горящего здания, – сказала Кари. – И хватит уже ходить кругами!

– Не хватит, – возразил Шпат.

– В общем, мы суд не поджигали. Это был взрыв какой-то, может, алхимическая бомба. – Она повидала боевое оружие алхимиков в разных местах – пламя, что никогда не гаснет, животных, что раздувались в огромных монстров, режущий дым, заразный лед. Алхиморужие – главный товар, сбываемый Гвердоном.

– Но мы их грабили, – опустил плечи Шпат. – Отпираться бессмысленно.

– Тогда меня за это повесят, – сказала Кари. – А что делают с каменными людьми, сама не знаю.

Шпата не повесят – его шея в каменной броне, – но с него хватит и просто оставить его в покое. Не давайте ему алкагест – и он окаменеет, и это будет хуже виселицы. Умирать от жажды в каменной скорлупе живой могилы из самого себя. Все это у него еще впереди.

– Давай говорить буду я, – велел он. – Ты сиди молча. Братство нас отсюда вытащит.

– Я свою голову Хейнрейлу не заложу.

– До этого не дойдет. Тебе надо ему поверить. Поверить нам. – Он сказал «нам». Поверить Братству, которое его отец основал и ради которого умер. И он прав – неплохая вероятность, что Братство выкупит им свободу за взятку. Но тогда она задолжает Хейнрейлу еще больше, по гроб жизни окажется ему обязана.

– Идет оно все! – Кари выбросила руку, обводя илистое озерцо и глухие стены их тюрьмы под голым небом. – Не стану рисковать всем за гоблина этого членомордого. – Произнесла она это вполне громко, и кто бы ни был там за стеной, повеселился от ее слов изрядно. Кари повернула голову на хохот и заорала: – Я хочу говорить! Ну же, кто-нибудь!

– Ничего им не рассказывай, – настаивал Шпат.

В любом случае ответа не было. Вода прихлынула и выплеснула на их островок дохлую птицу. Шпат подопнул ее обратно в озеро ногой с окаменевшими пальцами, и тягучая слизь не спеша всосала трупик. Сердитая Кари сидела на валуне. Чесала шею, сильно раздраженная без своего привычного кулона. Швыряла в жижу булыжники. Да, терпение у Кари – не самая главная добродетель.

– Ты опять говорила во сне, – через несколько минут произнес он.

– Я во сне не разговариваю, – огрызнулась Кари.

– Разговариваешь. Про упырей все да про зверей каких-то. Кажется, будто это и не ты совсем.

– Ничего не помню, – ответила она. Но она помнила. Как все застыло, словно во сне, когда вокруг нее рушилась колокольня, и еще эти странные, несусветные картины, будто она падала в небо. Голова болит. Она потеряла виски, но только поменяла одну боль на другую, когда пальцами задела ожоги. От расплавленного металла, догадалась Кари. Вот откуда эти воспаленные пятнышки на ладонях и лице. Как капли раскаленного металла из горна на руках кузнеца. Она наклонилась к затхлой воде поглядеть, крепко ли обгорела. Нет, такая вода лучше послужит грязью, нежели зеркалом. Кари надавила пальцем на те ожоги, что покрепче.

– Жить будешь, – сказал Шпат.

– Пока не повесят.

– Ни за что, – обнадежил он, но не был в этом убежден и сам, и в голосе не хватало уверенности. Во времена отца Шпата Братство обладало достаточным влиянием, чтобы такие, как они, никогда не отправлялись на эшафот. Но при Хейнрейле стало иначе. Хейнрейл не станет раздавать бабки на взятки и стряпчих, если затраты с лихвой ему не окупятся.

Кари посмотрела на далекие ворота. Переплыть она могла – пловчиха хоть куда, пол-жизни прожила в море, – но ворота казались прочными и, несмотря на окружающую воду, не

ржавыми. Она искала нож и отмычки, но у нее все забрали, кроме рубашки, штанов и, как оригинально, одного башмака.

– Черт с ним, – сказала она в основном себе и вошла в воду. Раненое плечо означало, что плыть будет нелегко, и все язвочки и порезы зашипало, словно она окунулась в лимонный сок. Она уже пожалела о своем замысле, проплыв десять футов, но ноги продолжали работать и, брыкаясь, она проталкивалась вперед по тинистой жиже. Пришлось нелепо изогнуться, чтобы плечо торчало над водой.

– Кари! – зашипел Шпат, понизив голос, чтоб не услышали. – Давай назад!

На полпути ее нога проскребла о какое-то препятствие, вроде коряги. Она приостановилась, мяся ил.

– Что там такое? – спросил Шпат.

Кари попробовала ощупать ногой то, что скрывалось под водой, распознать его форму. Четыре – нет, пять выступов ветвями отходили от одного столбика, дальше еще столб, а между ними нечто круглое.

Изваяние, руки статуи подняты. Она попыталась его обплыть и наткнулась на еще одно, а потом еще, и еще. Кладбище каменных людей.

– Тебе не интересно. – Она поплыла дальше, порой становясь передохнуть на мертвых, когда боль пробирала особенно остро. Полон рот тины, она подавилась, отплевывалась. Зря она поплыла, но обратного пути уже нет. Все отметинки на лице уже жгло огнем – созвездие нестерпимой боли почти затмило глухую ломоту в плече.

Она бросила взгляд за спину – Шпат взволнованно бродил по кромке берега. Он слишком далеко, не поможет. А если сойдет с островка, то погрузится и утонет.

Она и сама не в восторге топиться. Балансируя на голове последнего каменного человека, Кари набрала воздуха и бросилась преодолевать последний отрезок.

Она доплыла до ворот и выволокла на узкий порожек. Шпат вздохнул, его легкие загремели, как мешок со щебнем. Кари толкнула ворота, подергала их, затем полезла вверх. Может, если она удержится на верхней поперечине, то достанет до края стены и подтянется вверх даже с перевязанной рукой.

Ей уже слышался городской шум, далекий и приглушенный – ну и ладно: рокот людских толп, крики и лай, гремющий свист двигателей поездов, звон колоколов Нищего Праведника...

Сальник уже догорал. Чадил. От этого становилось трудно сосредотачиваться. Он прыгнул на очередную крышу и не рассчитал дистанцию. Неудачно приземлился, распластался на черепице и заскользил к далекой улице где-то внизу. Но свет был ярок, и перегорело столько восковой плоти, что подхватился он с легкостью. Как водомерка пронеслась по глади пруда. *Я паучок-водомерка*, подумал он частью мозга – уже размякшей до озорства.

Он засмеялся и хитро зыркнул на людей из мяса внизу под собой. Они отворачивались, потупливались или ускоряли шаг. Люди боятся сальников, и это хорошо. Можно спуститься и там порезвиться. Ты быстрее их, сильнее, лучше – светлее. Запах крови напомнил о задании. Он резанул упыря, значит, пойдет по кровавому следу. Правда, нос поник, подтаял и забит своим же воском. Он вбил себе в ноздри два пальца – но сперва отложил топор, свою голову срубить не хотелось – и повертел ими, пробуравил проход до внутренней полости, где горит его пламенная сущность. Подладил нос и с внешней стороны, чтоб выглядел более гордо. В редкие минуты самокопания сальник признавал, что горел слишком долго и теперь ему нужно хорошенько пропитаться свечным салом в чане. И нужно продеть сквозь тело новый фитиль, а то этот уже почитай сошел на нет. Сальник должен оплачивать каждую новую жизнь своими добрыми поступками в предыдущей. Если он не поймает упыря, алхимик может не захотеть его восстанавливать. Непослушные свечи раскисают – останется один топор в лужице.

Соберись.

Сальник резко вдохнул. Пламя внутри головы встрепенулось от прилива воздуха. Пекарня, кошачье дерьмо и кровь скотобойни, копоть с тысяч и тысяч дымоходов, соль и моторное масло, аромат фруктов и топлёный сахар – он бы проголодался от таких запахов, если был бы желудок, – а еще упыриная кровь, вязкая и густая, и сладковато загнившая. Упырь ушел сюда, и след ведет прямо к Могильнику. Парнишка, никак, под землю собрался. Могильный холм, старый погребальный участок, находится на той стороне Замкового холма. Быстро упыренюк туда не доползет, особенно днем. Особенно подранок. Замковый холм, как стена, отделяет портовые районы и старый город от пригородов посовременнее. Могильник не то чтобы нов – он стар, но по мере расширения Гвердона люди строили дома прямо поверх могил предков, и сейчас в этих трущобах живые и мертвые теснятся вместе. Здесь не так, как в других частях города, здесь упыри – привычные обитатели.

Будь сальник свеж, он бы бросился по цепочке следов, рядами взбегавших на южный фас Замкового холма. Взять их на бегу, шестерых или восьмерых разом, мчаться, сверкать мимо краснорожих слуг и писарей, плетущихся к особнякам аристократии, мимо живых сторожей и дозорных. Можно было б чесануть прямо по склону утеса – предыдущие поколения мещан вгрызались Замковому холму в бока, высекали туннели и залы в твердой скале, а значит, подъем на утес крут, но возможен даже для обычных людишек, а свежему сальнику вообще влет! Но он не был свеж, поэтому направил поиски иначе.

На спуск, вправо, там срез туннеля, место, где подземные линии поездов, проложенные под городом, выходят на поверхность. Сальник прыгал с крыши на крышу, скользил по шиферу покрытия. Им, нижним, чей сон встревожен шумом откуда-то сверху, он представлялся, наверное, крысой, птицей, а может, и призраком. Последний разбег, прыжок – и сальник цепляется к стене в устье тьмы, что поглощает железные рельсы.

И там он ждет, впитывает запах крови упыря – так он сумеет взять след даже на противоположном конце туннеля. От каждого вдоха фитиль сальника разгорается ярче, высасывая долю от тела.

Грохочет поезд, и сальник прыгает на летящую крышу. Спотыкается – с одного бока он стал мягче, чем с другого, – но все равно быстр, как молния, он перемахивает край вагонной крыши и забрасывает себя в узкое окно. Вагон наполовину полон моряками и рабочими ночных смен, они едут домой, но никто не дерзнет заинтересоваться внезапным появлением сальника. Тревожные вопли зажаты ладонями, вскрики проглочены. Это дело гильдии, было и есть дело гильдии – и лучше не переходить им дорогу.

Он садится между моряком в наколках и учеником в серой рясе, и оба притворяются, будто не замечают рядом с собой светящуюся восковую карикатуру с широкой ухмылкой. Он скрещивает ноги, кладет на колени длинный кинжал. Подрезает оплывший с пальцев воск – эти пусть так и сидят, онемелые.

Поезд гремит и орет под Замковым холмом. Сальник вежливо улыбается попутчикам и никому не перерезает горло. Визжат тормоза на подкате к станции Грейвсенд. Штольни ведут вглубь, для тех пассажиров, кого привели сюда дела подземные. Боковая ветка под названием Погребальная линия подходит к одной из больших церквей и ее трупной шахте. Сальник же следует вверх по ступеням, в два прыжка их преодолевает, минует потрясенного контролера билетов в будке и далее, на холодный утренний воздух Могильника.

Долго, очень долго он отлавливал нужный запах упыря. Слишком много минут шнырял вдоль сливных труб Прощальной площади, слишком долго тыркался в бугорки земли над гробами возле мавзолея Последних Дней. Запах шел из древнейшей, самой глубокой части Могильного холма – катакомб и гнездилищ упырей. Испугаться сальник не мог – не был способен на такую эмоцию, – но был взволнован и замерцал от мысли бросить вызов множеству упырей разом. Упыри упорны, суровы, как старая кожа, это не мягкое, сочное человеческое мясо. Ничего – с тупым ножом тоже по-своему приятно работать.

Как оказалось, не стоило беспокоиться. Его упырь не скрылся в главное гнездовище, где жило большинство городских упырей. Крысиный лаз нырнул в другой склеп. Сальник рассмеялся. Найти упыря, убить – и назад к алхимикам, умолять о следующей отливке в изложнице, о новом теле. Он смел на это надеяться.

Крадучись, по пыльным мраморным ступеням в склеп. Здесь сильно пахнет кровью. Скоро запахнет еще сильнее.

Сальник повернул за угол, в другую погребальную камеру, и там обнаружил женщину. Не упыря, человека. Свет из-под тонкой обложки сальника озарил ее. Кожа как потрескавшийся ремень, коротко стриженные волосы и алмазно-серые глаза.

Он ехидно сощурился в ее несчастное лицо, вынул нож, желая напугать, но она не вздрогнула.

– Эт ты, недоумок, всех упырей распугал? – спросила она. – Тут стало тише, чем...

Быстрый, как свет, сальник уже рядом с ней, а нож у ее горла.

– Не надо, – сказала она без следа страха в голосе. На любопытство по поводу странной женщины у него не оставалось энергии. Не она его добыча. Он собирался заговорить, задать вопрос, кого она видела, но голосовые связки растеклись пару часов назад, и только булькнул. Вместо слов показал на кровавый след и гневно махнул рукой.

– Будь другом, брось ты этого упыря и проваливай.

Взбешенный, сальник отпустил женщину и нырнул в темноту. Здесь он продвигался на четвереньках, прижимая к земле дыру на месте носа в погоне за кровью. След привел его в приоткрытую каменную дверь, и сальник вполз туда, извиваясь, пачкая край мягким воском. Далее короткий проход кончался у новой каменной двери. Тяжелой, но даже в таком ослабленном состоянии сальник должен был одолеть ее не замешкавшись. Он бросился на камень, и дверь чуточку подалась. Он учуял запах упыря с той стороны, так близко, что почти почувствовал на языке его кровь. Упырь толкал обратно, стараясь удержать дверь закрытой, но даже жилистая мускулатура упыря не могла долго тягаться с проворством и мощью сальников.

И тогда позади со скрипом начала закрываться первая дверь. Сальник метнулся, скорый, как молния. Хлестнул кинжал, чтобы отрубить женщине из внешнего склепа руку. Удар скрежетнул по броне, скрытой под ее накидкой. Она закрыла дверь, и теперь сальник оказался зажат на узком пятачке между двух усыпальниц.

Он перескакивал от одной двери к другой, ломился в обе, бил плечом, испытывая силу противников на той стороне. Упырь послабее, решил он, и подналег на его дверь. Он кидался на дверь снова и снова, но упырь стоял не шелохнувшись. Пламя сальника убывало, желтело, тускло. Каменная дверь воздухонепроницаема – пришла к нему последняя мысль.

Затем пламя погасло, и сальник замер восковой статуей, безжизненной, как любой другой труп в Могильнике.

* * *

– Итак, лишь то для нас важно, что мы станем спасать из горящего дома. Только в минуты беды и отчаяния мы понимаем, что для нас поистине ценно.

Олмия сложил ладони и улынулся прихожанам. Это была, ему подумалось, одна из лучших проповедей – веселая, вдохновенная и насущная, при этом тщательно отшлифованная для усвоения паствой. Жаль только, что в церкви не присутствовало его руководство – такие вещи всегда особенно хорошо слушать из первых уст. Но епископ Ашур убыл на срочную встречу с горожанами, а Сирил служит мессы в больницах, и хотя число слушателей в связи с этим почти не уменьшилось, политическое значение проповеди понесло плачевный урон. Церковь Нищего Праведника – одна из семи древнейших в Гвердоне, таким образом, должна

быть одной из самых престижных. Но если в глазах богов все люди и равны, здесь, в царствии смертных, дела обстоят куда сложнее и тоньше.

Этой проповеди, с ее политическими оттенками и хитроумными намеками на вчерашний пожар, пристало литься бы с кафедры Святого Шторма или церкви Вещего Кузнеца, а то и золотой капеллы дворца алхимической гильдии, которая не входила в число семи, но обладала гораздо большим влиянием. Об этом Олмий напоминали при каждом удобном случае, причем, как правило, мать, а ее знания церковной иерархии и общественной жизни неимоверно бесили. На худой конец, когда проповедь кончится, матери он о ней и расскажет.

Его глаза пробежались по приходу сквозь мерцание лампад и натолкнулись на женщину в первом ряду. Боги небесные и подземные, да она прекрасна! Молодая и стройная, одета богато, соломенные волосы блестят при свечах, на груди переливаются драгоценные камни, и всего замечательней ее выражение восхищенного внимания. Она заморожена его словами, ее дух окрылен!

Кто такая? Всецело и искренне без понятия, он обратил свою речь прямо к ней, взывал и молился в ее направлении и любовался ею, пока говорил. Очевидно, она дочь состоятельного аристократа или гильдейского мастера, хотя он не заметил никаких эмблем, сказавших бы, из какого она рода. Удивительная загадка – рядом с ней не было ни телохранителей, ни компаньонов. Она сидит, окруженная беднотой, жемчужина в грязи, беспечно не смотрит на напуганных со всех сторон воров и попрошайек.

Да ясно же – мысль пронзила своей очевидностью, и он едва не сбился при чтении литании, – молодая дама с такой пылкой, страстной верой нарочно пришла именно в его церковь.

Стерпела вонь и грязь прихожан, по сравнению с собой – черни, ради одного – послушать речь молодого харизматичного священника, чья репутация за стенами Святой Нищенки, ясное дело, докатилась до сияющего дворца, который красавица зовет своим домом. Но стоп – она в опасности, страшной опасности! С открытым сердцем и светлой душой она дошла пешком до этого логова порока, ни капли не осознавая угрозы. Менее чем в двух минутах ходьбы от церкви попадают такие закоулки, куда и сам Олмий боится ходить в одиночку. А каково там будет прекрасной девушке, такой хрупкой и утонченной? А то – стоит ей выйти из-под защиты его церкви, и вмиг на нее набросятся какие-нибудь жестокие скоты, сдерут драгоценности и кружева, и нагота ее предстанет пред миром. Грубые руки невежд-забудлыг порвут на ней платье, заголят ее ноги, груди.

Олмий опять сбивается в литании. Его голос больше не сигнальная труба святой веры, а вялый вымученный писк. Паства разражается хохотом. Все, кроме женщины, та улыбается с воодушевлением. Даже, осмеливается он судить, с любовью.

Звенит церковный колокол, еще больше выбивая его из колеи. Олмий хмурится, неужели какой-то мелкий оборвыш пробрался в колокольню и начал баловаться с веревками, но потом понимает – проповедь отчего-то затянулась дольше положенного и настал полуденный час. Звонарь Святой Нищенки слеп и наполовину глух. Его взяли прислуживать, как многих других в их приходе, из сущего милосердия, поэтому Олмий должен простить ему вмешательство.

– Давайте склоним головы и помолимся! – прокричал Олмий, благодарный за короткую передышку, во время которой обрел речь и возобновил чтение. Полсотни голов склонились, все, кроме девушки, она определенно смотрела прямо на него, маленький мятежный ангел.

Нижние боги, что за создание! Олмий поверить не мог, как позволяет потоку таких нечестивых мыслей литься сквозь разум.

Однозначно, нельзя ее отпустить. Не то выйдет беда. Она должна остаться в стенах Нищего Праведника, пока не будет подан подходящий транспорт. После службы он приведет ее в свое личное жилье – настоит на этом, скажет, что надо обсудить с ней богословские темы, – а потом пошлет за экипажем. Правда, по рыночным дням тяжело найти экипаж, поэтому ей, может быть, придется обождать несколько часов. А может быть, и всю ночь.

Будто пьяный, он шатался до конца церемонии. Обряд лишился той благодати и твердости веры, какая присутствовала раньше – перед тем как он увидел девушку. Но ей, кажется, то было не важно, а немывтая толпа и вовсе не заметила разницы. Наряди осла в парчу и научи вопить в тон службы, и они не заметят разницу между ним и епископом Ашуром.

Он распускает прихожан. Они поднимаются и текут через двери. Сперва выходит площадка для больных, отделенных от прочих благословенными красными канатами – чумные страдалцы, богом проклятые старые солдаты, каменные люди. Потом остальные, простонародье из Мойки. Это напоминало Олмии, как открывают шлюз и осушают заводь – грязные воды толпы кружат и пенятся, пока не изольются в реку.

А золото никуда не течет. Она осталась сидеть на месте и не сводила с него глаз, прекрасных и светлых.

Он неловко поплелся навстречу ангелу. Она приветствовала его вставанием. Без слов взяла его за руку и повела прямо к жилым кельям на задах церкви. Он замешкался с задвижкой на двери, чувствуя через сутану тепло ее тела.

Все пошло куда лучше, чем он надеялся. На мгновение захотелось, чтобы мать увидела все это. Теперь уж ей не фыркать на него с презрением.

Дверь отворилась. Они вошли внутрь, в темноту его личных покоев.

Он повернулся к девушке, осмелев спросить ее имя, – но девушки больше не было. Она вывернулась наизнанку, как распускается бутон, и красота ее и богатство облетели шелухой, распутались, и осталась лишь плетеная пряжа хаоса и голода. Распутывался и он: полоски кожи без боли отлеплялись от рук, от лица – и падали в круговерт вихря-веретенщика. За ними потянулись нервы, мышцы, кости, заодно нитки от сутаны: парча сверкала и в коловращении хаоса сливалась с тем, что осталось от ее платья.

Разматывание дошло до его торса, до головы. На миг его зрение словно бы до невозможности вытянулось – пока она пожирала его глаза.

Потом он навсегда перестал думать обо всем, кроме нее. В тот миг он понял, что она тоже была жертвой веретенщика. Множеством жертв – красота от одной женщины, грация от другой, одежда от третьей, глаза от следующей, – и все сплетено, свито вместе. Теперь и он добавил в клубок веретенщика нити своего естества – в каком-то, выходит, подобии единения с этой девушкой.

Колокола звенели без устали, заглушая любой возможный шум.

Шпат следил, как Кари уплывает с их островка. Он встал на самый край, на кромку, обрывающуюся в мутную воду. С тех пор как тело уступило болезни, он учился управлять разочарованием и злостью, пока хворь отнимала его жизнь по кусочку. Он понимал: если Кари начнет тонуть, помощи от него будет мало. Если он бросится в воду – утонет сам и в озере появятся два тела вместо одного. Он бессильно наблюдал на краю. И не молился никаким богам, но всей душой желал ей переправиться.

Она окунулась с головой раз, другой, задыхаясь от тины, но с последним рывком дотянулась до ворот. Ухватила одной рукой, перевалилась. Покричала в пространство, затем начала карабкаться.

Сразу, как началось окаменение, он подхватил страх высоты, страх перед падением. Он взволнованно перетирал пальцы, пока Кари лезла на ворота по решетке. Ей не хватило роста достать до верхнего края стены, но она щупала кладку, разыскивая зацепки и трещины. Одну нашла, впила пальцами и подтянулась – на фут ближе к вершине. Шпат застонал – на таком расстоянии он не различал трещин, не понимал, надежно ли она уцепилась, или выступ подается и сбросит ее вниз.

– Умер юный священник, – проговорила Кари. Голос ее был далек, словно она декламировала что-то, выученное наизусть.

Потом она сорвалась со стены и в том же состоянии транса с плеском ушла в топь.

Шпат заголосил, чтобы она очнулась, дышала, хваталась за ворота, но девушка погрузилась в воду и исчезла. Он взревел, взывая к страже – кем бы и где бы те ни были в этой странной тюрьме.

Застучали шаги, и у ворот появился силуэт. Того самого ловца воров, человека, который основательно избил Шпата прошлой ночью – или когда там это произошло. Шпат сознавал – пока он был в отключке, накачанный мощной дозой алкагеста, могли пройти дни.

– Она в воде, – ревел и показывал Шпат. При ловце была жердь с крюком, он окунул ее в воду и крутил туда-сюда, пока не зацепил Кари за рубашку. Он выудил ее крюком, подтянул к себе и поднял. Она бессвязно лепетала, брызгалась бурой слизью, но главное – была жива. Ловец воров вынес ее наружу, а другой охранник, толстяк, снова запер железные ворота.

– Она цела?

Нет ответа.

Шпат опять остался один.

Прошли часы. Солнце скрылось за дождевыми тучами. Он наловил воды, сложив ладони в виде каменной миски, и утолил жажду, однако жрать хотелось немилосердно. Каменные люди постарше, слышал он, перестают чувствовать и голод, и сытость и должны помнить, когда ели в последний раз, не то живот может окаменеть или лопнуть.

Есть ему нечего, поэтому он искал радость в голоде. Есть чем гордиться – внутри он еще жив.

Когда наступил закат, вернулся ловец воров. Он отпер ворота и спихнул на воду маленькую лодку, плоскодонку. И поплыл, толкаясь шестом. Приблизившись, швырнул Шпату мешок.

– Ты небось есть захотел.

Шпат не тронулся с места:

– Присоединяйся. На моем острове и двоим просторно.

Ловец воров рассмеялся.

– Мне и на лодочке неплохо. Мисс Тай, между прочим, в норме.

Этого имени он не знал.

– Кто?

– Девчонка. Кариллон.

Шпат знал, что Кари – сокращенное от Кариллон, но разговоры о семье она обходила, а он не пытался. Знал только, что сбежала из дома. Тай звучало отдаленно знакомо, но не соотносилось для него ни с чем.

– Интересная юная дама, – продолжал ловец воров, – но ведь она не из воровской гильдии?

Шпат пожал плечами.

– Я ее едва знаю, – солгал он.

– О, многие с тобой бы не согласились, – хихикнул ловец какой-то своей шутке. – Ты вышел на нее через Хейнрейла, естественно. Через Братство.

Каменная тишина. Кари со Шпатом познакомил Крыс – привел ему под дверь как-то ночью, больную и дрожащую, как потерявшийся котенок. Но Шпат не собирался втягивать Крыса, если только не...

– Тогда ты должен хорошо знать того упыря. Третьего из вашей мелкой шайки.

Шпат скрестил руки, как хлопнул дверью каменной гробницы.

– А может, те, кто взорвал хранилище, тоже из вашей команды?

– Об этом мне ничего не известно. – Уж это-то правда.

– Все грохнуло именно тогда, когда вы вломились в дом суда, по чистому совпадению? – издевательски хохотнул ловец воров. – По-моему, вас, паренек, подставили – рассчитали, что вы включите благородного дурачка и возьмете на себя всю вину. Как я уже сказал мисс Тай,

мне жалко и пары кусков говна за тебя, за нее, за упыря или за то, чем вы там в суде занимались. Мне нужен Хейнрейл.

– Не знаю никого с таким именем. Я требую адвоката. Это мое право.

Ловец воров вздохнул.

– Тут был карантинный госпиталь, пока вашего брата не стали отправлять на остров Статуй. Позорное место. Не хочется мне тебя здесь держать, но выбора нет – пока не отдашь мне Хейнрейла.

– Нет.

– А, вот забыл. Ты же сын Иджа? Того самого великого человека, героя, грабившего богатых и отдающего бедным. Человека, не размыкавшего рта. Что с ним стало? Напомни, куда делись его отвага и убеждения?

Шпат не отвечал. Повернулся к нему спиной.

– Ну хорошо. – Ловец воров полез внутрь камзола и вынул медный шприц со стальной иглой – достаточно длинной и толстой, чтобы пробить каменную корку над плотью Шпата. – Часто тебе требуется алкагест? Судя по твоей походке, ты зашел уже ох как далеко. Раз в неделю? Раз в пять дней? Пожалуй, чаще, коль тебя посадить здесь, где жратва говно и нет места двигаться.

Он покачал шприц над водой.

– Я готов ждать, пока у тебя прихватит ноги. Пока от тебя ничего не останется, кроме глаз и рта. Вообще-то, и глаза мне не нужны. Только язык, чтоб назвал мне нужное имя.

Он бросил шприц на островок Шпата. Шприц со стуком подпрыгнул, но Шпат успел его поймать, пока тот не укатился в воду.

– Меня зовут Джери, – сказал тюремщик. – Это чтоб ты знал, кому сказать спасибо.

Шпат стоял неподвижно, его левая ладонь стискивала алкагест как сокровище.

– Ладно, – проговорил Джери, – спасибо скажешь потом. Никуда не денешься, рано или поздно. Не будь лохом, парень. Твоя подруга Кари не дура – и что-то она не спешит к тебе обратно.

Глава 3

– Меня зовут Джери, – сказал тюремщик. – Это чтоб ты знала, кому сказать спасибо.

У Кари стучали зубы, ее трясло, как никогда прежде. Она чуть не утонула и вымокла до нитки, но испугало ее не то, что она едва не утонула. А пугала причина этого. Будто нечто дотянулось до нее через город и унесло ее разум. Подробности видения быстро гасли, как забытый при пробуждении сон, но она помнила, как будто была в церкви, старой и темной, и какая-то ужасная штука растащила молодого священника по частям. И реальным оно в тот момент не казалось. Она видела произошедшее со всех углов, сверху, снизу и сбоку. Может быть, и не видела. Тогда ей казалось, что видит, но...

– Я была мухой на всех стенах сразу, – проговорила она себе.

– Поди ж ты! – Джери неверяще покачал головой. – На, пока не замерзла. – Он кинул ей на колени сверток серой материи.

– Что это?

– Сменная одежда. – Он сел за стол, в кресло напротив нее, и откинулся назад, ожидая начала зрелища.

– Отвернись, – потребовала она. Ей не впервой переодеваться на людях, бывала она голой при незнакомцах – на небольшом корабле нет места застенчивости. Но позволять этому ловцу воров вечно выигрывать она не собиралась.

– Повернуться спиной к девчонке, которая ходит с этим? – удивился он и извлек из кармана ее нож – ее драгоценный ножик. Последний раз она видела свой нож, когда руки сальника вогнали его ей же в плечо. – Будешь слушаться, получишь обратно.

– Так, стало быть, мой нож у тебя, а у меня его нет, значит, поворачивайся, блин, спиной.

Джери рассмеялся и отвернулся на кресле. Она вытряхнулась из мокрой одежды, морщась от боли в плече. Бинт на ране промок насквозь, буро-зеленые пятна тины смешались с буро-красными – от запекшейся крови. Она размотала бинт.

– Мне понадобится новая перевязка для раны, – сказала она.

– Об этом позаботятся другие.

Наряд, который он выдал, состоял из серой накидки с поясом на талии, похожей на облачение монаха. Ей попадались такие на горожанках. Она натянула накидку через голову, ввинтилась в нее. Для нее велика, зато сухая и теплая. Прилагалось и нижнее белье, а также пара сандалий.

– Есть еда? – спросила она.

– Другие позаботятся и об этом.

– Спасибо тебе, Джери, – поиздевалась она.

Он повернулся обратно.

– Обычно мелкая проныра вроде тебя не стоит моего времени. Ты даже не гражданка – тебя бы отдали свечкоделам, не подумай, что тебя хватило бы на приличный светильник. Но есть такая вот закавыка.

Он полез в выдвижной ящик и вытащил большой журнал в кожаном переплете. Такой же, как в библиотеке Палаты Закона. Сотни подобных книг сгорели у нее на глазах.

Джери заметил ее удивление.

– Этого журнала в архиве не было. Странное дело – кто-то сверялся с книгой записей о твоём рождении за день до пожара, и она оказалась в читальном зале южного крыла, поэтому уцелела. Как и ты, Кариллон Тай.

Он хлопнул по столу журналом, раскрыв его на заложенной странице.

– Родилась в Гвердоне двадцать три года назад. Отец – Аридон Тай, из тех самых Таев. Мать неизвестна. Обычно бывает наоборот, поэтому, предположим, аист подкинул тебя к

фамильному особняку. Знал бы я о твоей знатности, когда арестовывал, выделил бы тебе камеру поприятнее.

– Выдели ее Шпату, – посоветовала она. – Я воду люблю.

– Несомненно, любишь. Я провел все утро, расспрашивая о тебе, мисс Тай, хотя должен был разыскивать того, кто взорвал Башню Закона. Твоя семья как можно скорей отослала тебя к тетке в провинцию. Кажется, тебе там не очень понравилось – в двенадцать лет тебя объявили пропавшей. Разумеется, у Таев нашлись другие поводы для хлопот, нежели одна своенравная дочь. Среди них такой – все они были убиты.

Он примолк, глядя на нее.

– Если ты сознаешься в этом преступлении, то наверняка я не зря трачу на тебя время.

– Мне было четыре, – сказала она. Кроме тети Сильвы, бывшая семья вспоминалась с трудом. Дедушку Джермаса и его строгий голос она представляла четче, чем отца – в памяти всегда отдаленного, блеклого.

Джери продолжал:

– С наследством получилось тоже не очень – оказалось, Таи были по уши в долгах; правда, выяснилось это уже после. Ну а ты отчалила в море. До Севераста, Огнеморья и Близнецов-Халифатов, судя по рассказам, услышанным мной сегодня в порту. Я называл тебя попрошайкой и мелкой воровкой, но ради твоего знатного происхождения скажем-ка мы лучше *странница*.

Он бережно закрыл книгу, оставив закладку.

– Итак, четыре месяца назад ты вернулась сюда.

– Не по своей воле. Случилась буря, и капитан пристал здесь. А потом меня не пустили на борт.

– Потому что ты ехала зайцем.

– Я обещала отработать проезд.

– Отчего так упорно рвалась уехать? – спросил Джери. У нее не нашлось верного ответа. В Гвердоне или окрестностях она всегда чувствовала себя неуютно. Словно весь город давил на нее, заваливал осыпью кирпича, своим прошлым, своими толпами. Она его не любила.

Она не ответила, и ловец продолжил:

– Стало быть, вот какая зацепка. Ты связалась с упыренком. Он свел тебя с каменным человеком, Шпатом. А Шпат – один из громил Хейнрейла. Значит, ты Хейнрейла знаешь.

Она сидела молча, как велел Шпат, но проглотить яд давалось тяжело. Хейнрейл ее облапошил; мало того, он унижал Шпата, и за это она его ненавидела. Изводит смотреть, как с твоим умным другом обращаются, как с паршивой собакой, а еще сильнее изводит наблюдать, как Шпат это терпит. Сносит, не жалуясь на жестокость и придирки, из верности умершему отцу. Для Кари семья и так значила мало, а мертвая семья – еще меньше.

– Он послал вас грабить Палату Закона, – сказал Джери.

Она заставила себя безразлично пожать плечами – понятно, никого этим не обманув.

– Он вас подставил.

Она прикусила губу.

– Ну и сдай его мне.

Хотела бы, да не могла. Сдала бы в мгновение ока – но она недостаточно о нем знала. Она не из Братства, в секреты ее не посвящают. А Шпат никогда бы ее не простил. Она покачала головой.

– Ладненько, – сказал Джери, – кто все устроил? Шпат? Шпат это был?

Это был Шпат, но она не собиралась валить все на него. По игре ловца воров ясно, что происходит нечто еще, что ее проблемы гораздо меньше, чем должны быть. Ей повезло, только непонятно как. Может, она заодно и Шпата вытащит.

– Это был Крыс, – солгала она, – он знает Хейнрейла. Шпата мы взяли только на случай, если нас засекут и придется прорываться с боем.

Джери цокнул языком.

– Нехорошо тогда с упыренком вышло.

– Что с ним? – Она предполагала, что Крыс умотал через город и добрался до безопасного притона Братства.

– Спроси у сальника. – Джери подхватил ее кинжальчик и засунул в ножны. Затем выудил из ящика какой-то черный клейкий шнур и плотно обмотал его вокруг кинжала и ножен, связывая их вместе. – Грамотная вещь. Алхимики сделали. Можно разрезать только специальным лезвием или растворить препаратом. Мы теперь их на заключенных используем. – Он вручил ей обмотанный нож. Черный шнур был слегка сыроват и пружинил под пальцами.

– Мисс Тай, вы виновны, как сам грех, но я не судья и не присяжный, поэтому мне пофиг. Награду за тебя выплатили, поэтому ты можешь идти.

– А как насчет Шпата?

– За него награду не выплатили. Он не может идти. – Джери повысил голос. – Заходи, забирай – если она тебе впрямь нужна.

Кари помогал казаться спокойной особой прием – опустошать себя. Она как бы проглатывала сама себя, заталкивала тревоги и страхи внутрь, представляя, будто она металлическая статуэтка, скульптура девушки. Позже, когда наставало время рывка, она выпускала содержимое вовне, и хлесткий, как обрыв натянутой лески, упругий взрыв скорости выручал ее из беды. Она убегала от чужаков и чудовищ в дюжине портовых городов по всему морю. Она мчалась так, что беде за ней было не угнаться.

Однако на этот раз не получалось выбрать верный момент для рывка. Ситуация оказалась не такой, как раньше.

Он сказал, что зовут его профессор Онгент – тот самый, кто выкупил ее у ловца воров. Он стар, но вовсе не дряхл, с круглым животиком, бородой, как нестриженный куст, и совиными очочками – нужны ли они ему на самом деле, а то пялится на нее поверх оправы? Как и она, он носил бесформенную серую хламиду, только с тканым золотисто-голубым поясом и серебряную цепочку на шее. И тепло улыбался ей.

– Боюсь, тебе придется оставить имя Кариллон Тай здесь, дитя, – произнес он. – Оно привлечет внимание к тебе – и ко мне, а я только что вложил в тебя кучей денег.

Последний раз в нее вкладывали деньги, когда продавали работорговцам в Ульбише.

– Я так и так им не пользуюсь. – Карманов в ее рясе не было, и она принялась охлопываться, ища, куда приткнуть свой нож в смиренных путах. Из-за пояса он то и дело выскальзывал.

– Понести его вместо тебя? – предложил Онгент.

– Не стоит. – Она сумела закатать рукав мешковатой рясы так, чтобы получился кармашек для ножа. Все равно в дело его не пустишь, пока алхимическая веревка скрепляет лезвие с ножами, но знакомый вес придавал уверенности.

Онгент и Джери перекинулись парой коротких слов – очевидно, знали друг друга. У Кари не получилось с ходу вычислить, кто из них главный, друзья ли они или просто делят общую выгоду.

Джери рыкнул:

– Постарайтесь не создавать проблем, девушка.

Она кивнула, притворяясь испуганной. Она проблем не создает, те ее сами находят.

– Я устроил тебе жилье в университете, – сказал Онгент. – И место ассистента по научной работе.

Настолько неприкрытой нелепицы хватило, чтобы она поплелась за Онгентом на улицу. Вечерело, и он достал из сумки алхимический фонарик и потряс. Выплеснулся пузырь зеле-

новатого света, от которого по мостовой разбежались зловещие полутени. Старик вывел ее к лестнице-переходу – длинным ступеням из Мойки в сторону Фазтоновой улицы. Темные проходы и проулки ответвлялись от лестницы, ныряя в лабиринты лачуг и многоквартирных домов, и она внутренне подбиралась перед каждой развилкой. Онгент кряхтел, пыхтел и не сворачивал, как если б запозднился с прогулкой и заботился об одном – добраться до выхода из этого района и не оказаться обобраным в канаве.

А она подыскивала подходящую канаву и прикидывала, как половчей его обобрать.

– Рану у тебя на руке мы осмотрим завтра, – сказал Онгент. Она пошевелила плечом – больно.

– Пройдет, – сказала вслух. – Надо только промыть и перебинтовать. Порез неглубокий.

– Так и должно быть. Они любят поиграть с жертвами.

Любопытно, откуда академик знает о повадках сальников? Хотя, может, нынче в Гвердоне об этом известно всем. Один такой стоял возле входа в подземку на Фазтоновой улице. Этого сальника сделали из молоденькой девчушки, младше Кари, но ее пришлось вытянуть до предела, чтобы заполнить шестифутовую форму, в которой отливают этих страшилищ. Сквозь хищные зубы сиял огонек фитиля, пока она изучающе присматривалась к походке Онгента. Кари обошла создание, держась подальше – они вскипают насилием, если чувствуют подвох.

– А что с ранками на лице?

Она почти забыла о плеяде крошечных ожогов там, куда брызгал расплавленный металл с горячей башни. Она потеряла их пальцами.

– Ничего.

Профессор поцокал языком, будто разочаровался. На полпути вниз по ступеням он приостановился. Внизу слышался грохот поезда и свист пара. Стены лестничного перехода покрывали плакаты и афиши, обильно наклеенные друг на друга. Реклама чудодейственных лекарств и предсказателей будущего, вербовочные плакаты наемничих рот, напоминания о гражданских предписаниях и распоряжениях стражи. Он взялся срывать их, прогрызая бумажную коросту до самой каменной стены.

– Умеешь читать? – спросил он.

– Да. – Единственное наследство от тети Сильвы. Ее дом был полон книг. Двоюродная сестра Эладора не вылезала из книг. Всего на пару лет старше Кари, но вечно производила впечатление родившейся уже пожилой и до утомления правильной. Временами они сближались, объединялись против Сильвы или соседа, арендовавшего землю, когда отец Эладоры заболел. Чаще же ссорились.

Онгент скovyрнул последний пергаментный струп, и открылась оголенная стена лестничного колодца, сложенная из зеленоватого камня, похоже, влажного. Изрезана знаками.

– Можешь их прочесть?

Она вперилась в символы, затем покачала головой.

– Нет.

– Немногие на это способны. Перед тобой упыриный туннель. Под городом их тысячи. Многие брошены или затоплены. Другими пользуются одни упыри. Иные, как этот, переделаны для гражданских нужд; происхождение их всеми забыто – кроме тех, кто изучает историю города. – Он ощупал знаки, как-то даже непочтительно. – Вот мое призвание, мое поле деятельности. Я читаю лекции по истории и археологии Гвердона.

Он начал спуск по ступеням, подразумевая, что она пойдет следом. Она вновь посмотрела на знаки. В них ей показалось нечто знакомое, но не соотносилось для нее ни с чем.

– Пожалуйста, идем со мной, – позвал он. Ее инстинкты требовали бегства – она могла бы сигануть вверх по лестнице и скрыться на Фазтоновой улице, поторопиться к причалам и влезть на корабль, отбывающий в далекие края. К рассвету ее тут не будет. Но она в долгу перед Крысом и Шпатом, а может, даже перед этим чудным профессором. Хейнрейлу тоже

кой-чего задолжала, пускай нож и заплели алхимические путы. К тому же наверху ступеней стоит сальник.

– Один твой приятель, судя по всему, упырь, – произнес Онгент. Тихим голосом, вливая слова лишь в ее уши, хотя на станции не было почти никого. – Сегодня Джери для меня провел маленькое расследование, – как бы оправдываясь, добавил он.

Она пожала плечами.

– Он хотя бы раз беседовал с тобой на исторические темы?

Она усмехнулась.

– Обсуждали ли вы с ним или с кем-то еще такие предметы, как безвластие упырей или королей Варитианской династии?

– Я даже не знаю, кто они такие.

– Из этого заключаю, что ты не читала, к примеру, «Критические оценки Эры Предзавоевания» Де Рейса. Кстати, предисловие ко второму изданию написал я, – добавил он, чуточку зардевшись.

– Не читала.

– Тогда перед нами загадка, – сказал он. – Когда Джери обнаружил тебя среди руин Палаты Закона, ты цитировала легенду о том, «Как В Городе Появились Упыри». Это предание известно лишь одним упырям – и, конечно, тем исследователям, кто не поленился изучить их культуру.

Не успела она ответить, как станцию заполнило облако едкого химического пара и вкатился поезд. Они вошли в почти пустой вагон. Кари дергано озираясь: она ни разу не была в подземном поезде и забеспокоилась. Представить себя запертой глубоко под городом, когда тебя везут, не спросив согласия, все дальше и дальше от открытого неба... похоже на кошмар про погребение живьем.

– Может, слыхала о нем когда-нибудь раньше, – предложила она объяснение, скорее не ему, а себе.

– Возможно, – допустил Онгент, – но вероятно ли? Скажи, Кари, не слыхала ли ты... других историй?

– Ну да... я отрубилась в тюрьме, до того как свалилась в воду. И не только слыхала, но кое-что и видела.

– Видела? – переспросил Онгент. – А перед этим, когда ты рассказывала легенду об упырях, ты тоже видела разное?

– Не вспомню. Думаю, да, но не знаю, что именно. – Зеленые каменные туннели, совсем как этот. Трупный вкус. Ледяной холод. Огромные фигуры, присевшие на гигантских камнях.

– А во второй раз? Что ты видела тогда? Тоже легенду?

– Нет – я как будто увидела какого-то молодого священника в старой церкви. Там в толпе была женщина, и он ее возжелал, но она... вроде как распалась на части, и съела его, и стала им.

– Хорошо, этим мы займемся в другой день. – Поезд хрипел и чавкал, пока из низменной Мойки выползал на крутой подземный склон.

– Чем?

– Найдем ту старую церковь и поглядим, правда ли тот священник мертв.

Он сказал об этом, словно о каком-то нормальном, разумном действии.

– А если это просто сон? – спросила она. Но по ощущениям то был не сон, и сны не вырывают тебя в самый неподходящий момент.

– Тогда, вероятно, со временем ты опять станешь Кариллон Тай. У меня много друзей в разных местах Гвердона, включая парламент, – они подружатся и с тобой. Или, если захочешь, мы по-доброму распрощаемся, и ты опять покинешь город и никогда не вернешься. –

Он улыбался. Ей это не понравилось. – Но я считаю – это не было сном. По-моему, ты с чем-то вступила в контакт. Или скорее оно вступило в контакт с тобой.

– Например, что?

– Без понятия, – радостно сказал он, будто приходил в восторг от неразгаданных тайн.

– Такое случалось и прежде?

– О, у людей бывают всевозможные дары и проклятия. Чудеса психики, святые, чародеи, стихийные таланты, избранники божьи и тому подобные. Уверен, исследования помогут нам побольше узнать о твоём... состоянии. Скажи спасибо, что я нашел тебя вперед алхимиков – вот тогда б тебе было не до веселья, поверь.

Поезд выскочил из пасти туннеля и пошел по мосту Герцогини, высоко над Долем Блестки, городскими бульварами увеселений. Впереди Университетский округ – раскинулся по восточному и северному склонам Священного холма, словно убежал от сверкающей белизны соборов. Кари уставилась в окно. Она уже далеко от привычной части города и хотела ознакомиться с обстановкой, коли вдруг предстоит удирать. Взгляд притягивали соборы Хранителей – три сооружения на гребне холма, одинакового белого камня и схожи, точно выполненные одним архитектором, – а вокруг и под ними буйная путаница прочих церквей и храмов. Позади церковных угодий – дворцы и аудитории университета, приткнутые куда влезет, по сиюминутной необходимости вместо божественного промысла.

И Храмовый квартал, и университет стекали к Долу Блестки, создавая своеобразное приграничье, где строгое царство доктрины и духа мешалось с разнузданным торгашеством нижнего города. Кари смотрела вниз на улицы, где располагались кофейни, лавки сувениров и редкостей, тайные храмы, театры и вульгарные кабаре, обслуживающие как интеллектуальные потребности, так и низменные пороки студентов. На дальнем берегу Блестки, над пристанями, курился разноцветный дым, отмечая начало квартала Алхимиков.

Показался храм, похожий на розу, острые хрустальные края преломляли последние лучи солнца.

– Это храм Танцора. – Такие храмы ей всегда нравились, когда попадались в других городах. Культ Танцора искал божественное в движении, в экстатических плясках, непрерывном кружении. Несколько месяцев Кари даже была послушницей такого храма в Северасте.

– В свое время в Гвердоне было много богов. Вот ты родилась в годы Святой Розни, а когда был молод я, в городе стояли одни только церкви Хранителей, а любая чужая вера запрещалась. Естественно, долго так не продлилось – множество иммигрантов, иностранные купцы набирали вес в парламенте, да еще эти скандалы со святыми реликвиями. Блок за отделение церкви от государства набрал голоса и протолкнул указ о реформах, но поборники Хранимых Богов высыпали на улицы. Гражданское неповиновение, бунты и даже заказные убийства – но подоплекой религиозных споров были трения между богатыми коренными семьями и могущественными пришлыми. Должно быть... – Он умолк, когда заметил, что Кари на него таращится. – В общем, если будешь считаться моей ассистенткой, тебе придется ходить ко мне на лекции.

К этому, как могла она предсказать безо всяких необъяснимых даров или провидений, дело не шло никак.

Со скрежетом поезд остановился, и Онгент крикнул, с усилием удерживаясь на ногах.

– Идем.

Со станции Пилигримов они двинулись по извилистой улице, опоясывающей университет. Пахло деньгами – по косвенным признакам: здесь мостовую поливали водой и дома недавно качественно ремонтировали. Онгент вразвалочку шел впереди – теперь, в знакомых краях, пошустрее. Завернул за угол, на улицу Желаний. Перед ними стоял одноэтажный жилой дом. Конечно, маловат по стандартам богатеньких – тех, кто ходит на лекции в университет, – зато хоромы, которые Кари делила со Шпатом, уместились бы на десятой части этого дома,

и то столько места досталось ей лишь потому, что никто не отваживался поселиться рядом с заразным каменным человеком.

Чем сейчас занят Шпат в своей затопленной тюремной камере? Жив или мертв Крыс? В собственную удачу не верилось. Попахивало скорее злым умыслом.

Онгент постучал в дверь. Кари услышала быстрые шаги. Лязгнули две убранные задвижки, хрустнул колдовской оберег, дверь отворилась и выглянула девушка. Ее кругловатое лицо было Кари знакомо, но чтобы сопоставить его, потребовалось время.

– Кариллон?

– Не называй это имя, – предостерег Онгент, подталкивая Кари в дом. – Помни, Эладора, никто не должен узнать, что она твоя родственница.

Глава 4

Крыс в туннеле.

Упыри видят в темноте, видят все цвета за пределами черного. Широкий разброс теней, неуловимые оттенки пустого туннеля и зияющей, ослепительной тьмы нижних глубинных полостей. Внизу больше Гвердона, чем сверху: в подвалах и коридорах, темницах и канализационных стоках, в забытом, погребенном городском прошлом, и всех его невидимых кишках и жилах, и еще глубже, глубже, чем могут вообразить его обитатели. Надземный народ – просто насекомые, копошащиеся на его коже.

Он засиделся в темноте, ему тут нельзя оставаться. Нужно назад, на поверхность. Он голоден, а из туннелей пахнет мертвечиной. Он должен подняться на свет, отдать монету за хлеб с мясом на рынке, а то и наловить своих тезок и заглатывать их целиком, живых и вырывающихся. Упыри по природе своей трупоеды. Крысу хочется мертвечины.

Но по природе упыри еще и изменчивы, а меняться он не хотел. Поэтому он отринул голод, подумал о солнце и пошел назад к двери во внешний склеп. Пришлось ее открывать, камень проскреб о камень.

Упырым взором он рассмотрел очертания сальника. Восковая плоть источала в его зрении туманный свет, на ней болезненно мерцали подтаявшие шрамы. Он наклонился и потрогал фитиль, выдававшийся из позвоночника существа. Холодный и скользкий – но от касания с кожей пробилась искра, колкая дрожь, и рука упыря занемела, а восковая личина вздрогнула. Создание не мертво окончательно.

На пробу он попытался вонзить когти сальнику в шею – получится ли просто его расчленить? Но остывший воск теперь тверже мрамора. Он присел, облизывая пальцы, и прикинул свои возможности. Сжечь? Но при этом может вспыхнуть фитиль, и тогда чудище вернется к жизни – на краткий срок, за который успеет убить его дюжину раз.

Сальник пытался вырваться и оставил следы – пятна воска пачкали дверь на том конце коридорчика. Не дверь, а тяжеленная каменная глыба, надгробная плита, но вдруг она распахнулась влет, будто была из ивовых прутьев. Женщина посветила в темноту алхимическим фонарем, очерчивая Крыса неровным сиянием.

– Эй, ты. Стой, где стоишь, – сказала она, а потом подняла руку и проговорила фразу на языке мертвых. Произношение у нее ужасное, однако смысл поймет и Крыс, и вообще любой упырь. *Мы, слугители души, взываем к вам, слугителям тел.* Она посланница Хранителей. – А еще, – добавила она, – я помогла тебе с этой паскудной свечкой. Поэтому с тебя причитается, так?

Крыс колебался. После провала у Башни Закона ему надо найти Шпата и Кари, доложить Хейнрейлу и, может, даже получить деньги, но нельзя и не откликнуться на просьбу посланницы Хранителей. Он с опаской присматривался к ней.

– Что тебе нужно от упырей?

– Церковное дело. Только для ушных отверстий тутошних древних ужасов.

– Найди другого проводника. Я занят.

– Хрен тебе я всю ночь буду задницу студить на этом жальнике, – сказала она. – И не торопись наверх. Сальники весь холм облепили, тебе, поди, не стоит бежать прямо щас. – Крыс замер, гадая, насколько она осведомлена о его связях с Братством. – *Мы призываем, и мы приказываем,* – добавила она речью мертвых. – Короче, слушайся старших и показывай мне дорогу вниз.

Хейнрейл всего лишь человек. На свете есть существа и похуже. Упыри накажут Крыса, если он разозлит их союзников из церкви Хранителей.

– Ладно, – согласился Крыс, – но держись рядом и не отставай. И я только сведу тебя к ним вниз – обратно выбирайся как знаешь. Ждать тебя не буду.

– Добро, – сказала она и протянула руку в перчатке. Ее пожатие оказалось невероятно крепким. – Алина.

– Крыс. – Половина городских упырей называют себя Крысами.

– Это не твое, – и она произнесла слово на речи мертвых, примерно означавшее «истинное, упырьё имя».

– Не мое, но это уже *не церковное дело*.

– Согласна.

Алина сгрэбла свои вещи, запихнула одеяло и остатки еды в котомку. Среди ее имущества Крыс заметил вызолоченный, узорчатый футляр для свитков, приютившийся возле увесистого пистолета. Он облизнул шершавым языком сломанные зубы, прикидывая, сколько бы за это заплатило Братство. Алина потянулась, потерла шею и запястье. Пошевелила им, разминая, и вроде осталась довольна, что ничего не болит.

– Мне навешало украшение стола – ну кабздец я стала и старуха!

Крыс тронулся в глубину туннеля.

– Погодь. – Она извлекла пистолет. – Кругом полно этих чудил со свечками.

Крыс неодобрительно заухал и сказал:

– Они, как и все, приходят сюда, но не уходят. Пугач тебе не понадобится, но держи его в руке, если придает храбрости. Только в спину мне не шамальни. – Дверь открылась с перемалывающим скрежетом. Алина положила пистолет обратно в котомку и подняла фонарь.

– Не пойдет, – сказал Крыс. – Уверяю, тут есть вещи, которые ты не захочешь видеть. А есть такие, которых видеть и не должна. Если пойдешь с фонарем, оставишь свои глаза внизу. – Он отмерил и подпустил в голос скорбные нотки угрозы и черного юмора: подобные байки травили не раз. Старейшины трепетно относятся к скрытности.

– Я хожу вниз не впервой. А если кто захочет взять мои глаза, я им затолкаю в жопу ихние, если они у них есть. – Тем не менее фонарь она убрала.

Они спускались во тьму. Он вел обходным маршрутом, потому как внизу нет прямых путей, есть только выбор, каким лабиринтом кружить. Она спотыкалась о неровный пол и раскиданные кости. Все время старалась держаться рукой за стену, поэтому он завел ее под один из городских очистных отстойников, где стены источали черную дрянь. После этого рук она не тянула, и нитью, связывающей ее с поверхностью, остались только редкие команды Крыса. У ее ног проползали выбракованные алхимиками отходы – полуживые комки гноя с отростками слепых глаз и мохнатых усиков. Они шли как по заброшенным районам города, так и по до сих пор населенным. Одна дверь перед ними открывалась в трактирный подвал, и он шепнул «ни звука», когда они крались под обеденным залом, полным портовых грузчиков. Когда надо, она могла двигаться на удивление тихо, но в прочем – шумела в туннелях, как подземный хряк. С каждым новым препятствием он мог определить по ругательству – наткнулась ли она на него или обтерлась боком.

Вниз, сквозь недра, по туннелям поездов и отводам канализации, опоясавшим Гвердон, как ствол годичные кольца.

Вниз, по старым упырьим норам – верхним, покинутым. По мере того как город наверху пускал корни, те, кто внизу, держась на отдалении, зарывались глубже и глубже, а тварей, что обитали еще ниже, загоняли в землю. Во тьме велись войны, о которых надземники никогда не слышали.

Вниз, через храмы старых и позабытых божеств, мимо пустых цоколей, где тьма густилась такая глубокая, что даже Крысу становилось не по себе.

Они набрели на одну из трупных шахт, и Крыс объявил привал.

– Здесь можно немного посветить, – сказал он и с предвкушением ухмыльнулся.

Алхимический фонарь вспыхнул ярче солнца. Крыс ждал воплей, но был разочарован. Выражение лица Алины под слоем пыли и паутины не изменилось; она не вздрогнула, не отпрянула от представшего вида. Подняла фонарь и дала его лучам обшарить круглую шахту ввысь. Силы света не хватало достать даже до полпути вверх, однако было ясно – далеко над головой один из городских мавзолеев. Дюжины трупов болтались на веревках или свисали с мясницких крючьев. Залитые химикалии отгоняли мух и отчасти скрадывали запах. На полу – сплошь ковер обглоданных голяшек.

– Решил выбрать нам место перекусить, – ухмылялся Крыс.

Алина притушила светильник и в небольшом пузыре света проковыляла до каменной плиты.

– Айе, чем накормить и развеселить девушку, ты знаешь. Хорошо, что у меня все с собой.

Повеяло запахом ее еды. Как мел и песок, худосочной и пресной. Он должен был есть вместе с ней, выклянчить пару объедков наземной пищи, а не откусывать от окружавших жутких щедрот. Но он не настолько силен.

Крыс нырнул во тьму и нашел для себя сочную ляжку. Сейчас на него напал упырий голод, первобытный, темный и гиблый, как те бесконечные тоннели его кишок, которые способны набить лишь трупы. Конечно, бывали времена, когда попадалась худая пожива, когда вниз отправляли одних сушеных, серокожих стариков и старух, и вместо мяса на их костях был пепел – и горестные воспоминания. Бывали и дни изобилия – времена чумы или войны, когда телами забивались все шахты, и упыри разбухали, как жирные личинки, с трудом проходя в туннели из-за раздутых животов. Сейчас всего в меру, но Крыс знал – старейшины беспокойны. Теперь в Гвердоне есть и другие церкви, алтари чужестранных богов, а они не роют трупных шахт, как Хранители.

Пока ел, он наблюдал за человеком. В свете фонаря кожа спутницы болезненно бледная. Она плотно укутана плащом, чтоб не мерзнуть в туннелях – хотя разложение выделяло тепло, и в шахте жара, как в бане. Ест с удовольствием, несмотря на окружение, смачно набивает едой свое тощее тело. Потеряла два пальца не левой руке, и складки плоти вокруг старой раны подсказали Крысу – их отсек удар меча. Упыри по природе своей анатомы.

Крыс открутил от висящего трупа палец и пососал его; комочки мяса и жилки сошли с кости ему в рот. До старейшин еще часа три, может, все четыре-пять, если придется волочить ее всю дорогу вслепую. Потом десять часов медленно выкарабкиваться на поверхность. Правда, кое-где можно срезать и скостить пару часов. Он задумчиво грыз косточки, перекачивал их за щеками и думал о вчерашней ночной вылазке.

Башня Закона обрушилась, омытая реющим огнем, земля содрогалась и трескалась, будто кто-то в ярости бичевал ее снизу. Повсюду сальники, точно над городом прокапали струйками расплавленного воска. Шпат, силуэт на фоне огня, грохочет по двору. Крыс не поставил бы много на шансы друга уйти, не в этот раз. Не с его хворью. Мысль о том, как мясо Шпата превращается в камень, вдруг встревожила Крыса. Каждый хрящик с костяшки пальца казался гравием на зубах. Упырей обычная зараза не берет, напомнил он себе, но они могут ей отравиться. Он выплюнул особенно твердый хрящ, и тот звякнул об пол.

Алина подняла голову на внезапный звон, всматриваясь в непроницаемую тьму шахты. Она пялилась прямо на Крыса, но, очевидно, его не видела. Он сам себе осклабил, потом нагнулся и поднял тот хрящик от пальца. Проковырял его когтем, разломил надвое и обнаружил неожиданное сокровище. Маленькое золотое колечко. Наверняка хоронилищники его проглядели. Старое кольцо, купленное в молодости, скрытое под толстыми складками зрелого возраста. Люди, подумал он, с годами слабеют, становятся медленней. Упыри – наоборот.

Кариллон – другое дело. Если она припустила во всю прыть, то могла уйти чисто. Она не знает ни Хейнрейла, ни как с мастером Братства связаться. Она могла вернуться к дому Шпата или попросту сбежать. Крыс нашел ее на улице, когда они оба бросились за одним выпавшим

кошельком, и ощутил... жалость? Это слово с поверхности у упырей не в ходу. Может быть, интерес? Как и Шпат, она была хрящиком, который не приедался ему, сколько ни жуй. Она и к Шпату была добра – вела себя так, будто он не умирает, и ее душевность много значила для Крыса.

Крыс припомнил вечера в Шпатовой квартирке – он съезжился в углу у очага и слушал, как Шпат грохочет на какую-нибудь сегодняшнюю тему: про свежий скандал или вести с войны. Шпат толкал речи истово, словно выступал в парламенте или обращался к бандюгам с Овечьей площади. Кари, с вином в руке и сапогами на столе, задает, вопреки своей натуре, вопросы или негрубой насмешкой прерывает полет ораторства Шпата. Такими вечерами Крыс разговаривал мало; он любил прикрыть глаза и слушать беседы друзей, точно голоса свыше, эхом ниспадающие с небес. Тепло от очага расслабляло его стянутую мускулатуру, согревало застойную кровь.

Если эти вечера ему заказаны, то одним узелком, связывающим с поверхностью, стало меньше. Требовалось покончить с неопределенностью, он желал знать наверняка, живы его друзья или погибли. В нетерпении он кружил возле Алины. Его копыта беззвучны, как поступь призрака, но посланница все равно напряглась, когда он подобрался ближе, трехпалая ладонь сомкнулась на оружии под плащом. Он встал на краю круга света.

– Пора идти.

Она окинула взглядом подвешенные тела и вздохнула.

– *Нищий Праведник, сбереги детей своих*, – призвала она в молитве одного из божественного сонма Хранителей и погасила фонарь. Вдалеке что-то прошуршало, может, отпала вялая конечность, – но оба застыли на миг, прислушиваясь, не близка ли опасность. Крыс поймал ее за руку и повлек к следующей двери.

– Вниз.

Опять вниз. Этот путь уже был исхожен упырями – сородичи из глубины часто сновали к покойничьим шахтам. Крыс жил от своего племени наособицу – вообще, лишь малая горстка упырей утруждалась связываться с поверхностью в нынешние дни. Тем не менее тропа коварна, скользка от трупного сала и спор. Громадные грибы с широкими шляпками плодились на дне туннелей, и полянки мохнатых усиков переливались миллионом красок в приспособленных к темноте глазах Крыса, но обесцвечивались в призрачно-блеклые волокна, стоило пройти по ним фонарю Алины.

Он избрал более быстрый, но и более трудный маршрут. Скользил и съезжал по валунам. Иногда протискивался через естественные расселины с гладкими краями – лазы упырей. Через коридоры тесаного камня, вырубленные забытыми народами. Сквозь заброшенные городские подземелья и туннели, где не появлялся годами.

Алина споткнулась и замерла. Пошарила вытянутой книзу рукой, и пальцы коснулись металлического рельса, проложенного вдоль пола.

– Это железнодорожный путь! – сердито зашипела она. – Мы ходили кругами, ах ты, говнюк! – Она рывком высвободилась от Крыса и схватилась за фонарь.

Свет ярко вспыхнул во тьме. Крыс, внезапно ослепнув, отшатнулся. Алина увидела сама. Тягач поезда, грязный и покореженный, как всё здесь, сбивал с толку своим обыденным видом в этих чертогах зыбких очертаний и скользких оттенков. Рельсы с насечкой рун убегали вдаль, исчезая в мокрогубой пасти туннеля. С потолка свисали сталактиты слизи или желеобразной субстанции, сверкая при необычно резком освещении. Платформы не было, лишь вырубленная приступка восходила к дверям поезда, как трап. За тягачом вздыбливалась и шевелилась вязкая масса, наплывал клубок сплетенных вместе жирных, бело-желтых червей.

Крыс сгреб ее, затаскивая за поезд.

– Тут тебе не *ваша* станция, – шикнул он сквозь сломанные зубы. Он проклинал себя за то, что позарился на короткий путь.

– Это ползущий, – прошептала она, – они не... – Она хотела сказать «не опасны», но Крыс перебил:

– Здесь, внизу, по-другому. – Он подпихнул фонарь, уводя свет вниз, но было поздно. Их обнаружили. Зазвучало влажное хлюпанье, когда червяной рой покатился на них. Черви-разведчики на расстоянии от главного скопища вились по лапам Крыса и ношенным сапогам Алины, стекали по крыше тягача и сползали по спине посланницы.

Алина отвернула за угол, как раз поперек дороги этим созданиям. Ползущий выплеснулся на нее, как волна, миллион извивающихся пальцев вылился на нее сверху. Ни секунды, чтоб вскрикнуть, – она исчезла под слизистой кучей. Потом черви расцепились, расступаясь. Крыс, почитай, ожидал, что сейчас сквозь их массу проступит голый скелет, но женщина была жива. Вымазанная и злая, но в остальном невредима.

Черви громоздились друг на друга, вились узлами, складывались в некие формы. Поднялись два столба, потом скрутились в торс примерно человеческого вида. Канаты рук сперва мягко повисли, потом взвились, простирая всеохватный черный плащ и в него заворачиваясь. Толстые червепальцы извлекли из ниоткуда белую фарфоровую маску и пристроили ее на место, скрыв под ней сплетающийся ужас. Таковы чары ползущих – рой червей куда лучше людей переносит стресс и напряжение от заклинаний, поэтому они выбили себе в городе нишу чародеев по найму.

– Простите, – заговорил ползущий. – Мы не ожидали встретить здесь представителя вашей святейшей церкви. – Голос существа был теплым и мелодичным, но сквозь него она чувала, как черви трепыхаются и шелестят, навреде шкворчащего сала на сковородке. – Что, разрешите спросить, привело вас в нижние пределы? – Оно протянуло к Алине замотанную в ткань «ладонь» и помогло ей подняться. Она почувствовала, как под тканью лопаются и сплюсциваются черви.

– Знамо дело, я тут здоровье поправляю. Лекарь велел дни-деньские бродить в говне по колено. И че мне не сказали, что можно доехать на поезде? – Она бросила яростный взгляд на Крыса.

– Вам по душе наши транспортные пути? Они ч-ч-чрезвычайно скорые. На общедоступных картах их, разумеется, нет. У нас с властями уговор. – Ползущий заговорщицки наклонился к ней. – Без них ужас как долго добираться на службу.

Фарфоровая маска провернулась, как на шарнире, глядя на Крыса. Тот до сих пор сидел скрючившись за тягачом.

– Ваш проводник, очевидно, сбился с пути. Вы ни при чем – вся вина на этом никчемном упыре. – Ползущий надвигался на Крыса. – Упырь-то должен понимать – с нами ему лучше не связываться.

– Бросьте вы мелкого говнюка, – сказала Алина. – Я заставила его поспешить. У меня послание к его старейшинам.

– В чем же, разрешите спросить, суть вашего послания? – Ползущий вырос уже выше семи футов и раскачивался, глядя сверху вниз на Алину.

– Дела церковные, – ответила она. – Вас никак не касаются. Мы вам не помешаем.

– Мы ч-ч-чрезвычайно широко осведомлены о многих вопросах, – возразил клубок. – Возможно, мы, наоборот, вам поможем?

Крыс отодвигался от ползущего за край тусклой сферы света от обляпанного слизью фонаря, стараясь пятиться к противоположному выходу. Взгляд маски не был устремлен на него, но ползущий имел десять тысяч глаз, и их зрение в темноте еще острее упыриного.

– Можете рассказать нам сами, но мы не против извлечь нужное из вашего мяса. – Вспышка заклятия, и Крыс распластался на земле, ожог на груди пахнул палеными упырьими волосами. Черви, извиваясь, поползли к нему, скаля маленькие острозубые рты. Ползущие и упыри одинаково питались падалью, но по совершенно разным причинам. Упыри – от голода,

а ползущие впитывали воспоминания – а может, души – покойников. В каждом из тысячи этих червей хранился жизненный итог, украденный у мертвых.

– Стойте! – Алина подняла руки с неожиданной нотой страха в голосе. – Я не знаю послания. Оно на этом долбаном свитке. Вот. – Она скинула с плеча ношу и стала на колени. Ползущий прекратил надвигаться на Крыса. Конечности и туловище опять уплотнились, и подобие человеческого облика снова встало перед Алиной. Крыс облегченно выдохнул. Может, если она отдаст ползущему опечатанный свиток, существо их отпустит. Они уйдут и спустятся к старейшим, и Крыс избавится от проклятушей обязанности перед ней, и свалит отсюда, искать Хейнрейла и свою оплату. А то, еще лучше, Алина передаст свиток и решит, что поручение ей не исполнить, и оба двинут назад на поверхность. Поучительный случай, все целы и Крыс никогда, ни в жизнь и близко не подойдет к владениям ползущих. Выходит, есть способ выбраться из этой передраги.

А потом Алина вынула из котомки пистолет.

Вот дерьмо, подумал Крыс.

– Говорю же – вас это не касается.

Пистолет проревел – никакое оружие такого размера не имело права так громко бабахать. Фарфоровая маска разлетелась осколками, и голова ползущего взорвалась. Это его, конечно, не убьет, даже не особо и замедлит. Он слепо хлестнул по Алине, но она откатилась и, вскакивая на ноги, вытянула нечто, похожее на старинный короткий меч. *От мечей толку тоже мало*, подумал Крыс. Это рой, а не единое существо. Убей одного или даже сотню – только раздразишь клубок. Лучший способ по-настоящему уязвить ползущего – это...

Клинок Алины сверкнул сполохом и воспламенел. Вот так годится.

Она рубанула ползущего, пытаясь поджечь его плащ, но чудовище отпрянуло от взмаха, неимоверно вытянув сплетенное туловище. Она бросилась в нападение, меч полыхал ярче фонаря. Ползущий отступал, пребывая пока в полном замешательстве. Она не давала ему ни времени на заклятье, ни пространства сотворить чары. Он содрал стесняющую накидку, уклоняясь от огненосной стали.

Алина шагнула вперед, свет меча отражался в ее глазах. Наступая, святая показалась Крысу выше, стан ее рос, теперь уже она возвысилась над ползущим.

– Назад, куча мерзкой погани! – Она двигалась с пугающей неспешностью, тяжелой поступью, шаг за шагом, ступая размеренно и устойчиво. Ползущий заиграл, перекачивая волны, заскользил, поплыл ей навстречу. Крыс заметался, увиливая меж двух единоборцев. Здесь его превосходили по всем статьям. Он помчался прятаться.

Из руки ползущего вырвалась молния. Сияние осветило подземелье, разогнав тени. Сила разряда уничтожила конечность чудища – она расплелась и осыпалась, одни черви разлетелись по сторонам, другие втянулись в обожженную культю. Алина вовремя выставила пылающий меч между собой и ударом заклятия, но все равно пала на колени, когда ее кудесничество столкнулось в борьбе с чарами многосоставной древней твари в ее собственном логове.

Пламя меча колыхнулось и умерло. Сияние померкло. Теперь светился лишь отброшенный посланницей фонарик. Алина с трудом поднялась и встала на краю этого круга света. Из носа, из ушей хлестала кровь.

– Ты че, самый ловкий? Слышь, да мои племяши на тебя рыбу удить будут! Иди сюда, хорош ныкаться!

Из внешней тьмы ползущий ответил. Без своей расколовшейся маски он говорил хором прокопченных голосов, за словами его гудел шепот на тысяче разных наречий:

– Не спеши покидать пределы склепа, но питай и научай самого червя грызущего, целого в совокупности его, вечно рожденного и вечно истребленного мертвой рукой, что движет слепым глазом, что видит...

В глазах Крыса – но не Алины – тьма меняла свой цвет. Теперь он видел в ней бесформенные обличья, видел, как создания из тени собираются подле черной башни ползущего. Тот теперь стал многорук: отростки раскачивались, жестикулировали, прядя более могучее заклятие.

Вокруг него сгущалась сила. Тьма припадала к нему, влекомая колдовством. В подземном зале не оставалось воздуха, и Крыс боролся за каждый вдох. Сгустки тьмы смыкались вокруг Алины.

И тут Крыс углядел на тягаче поезда тормозной рычаг и дернул его. С основательностью камнедробилки тягач пришел в движение, сперва медленно, затем скорей и скорей, под уклон, словно и его притягивало заклинание ползущего. Голубые искорки запрыгали между брюхом поезда и рельсами, на которых стоял ползущий. Крыс вылетел из несущегося стального короба, плюхнулся на землю на четвереньках, откатываясь как можно дальше.

Ползущий обрушился до того, как его переехал поезд. Он распался на составных червей, девятифутовая фигура вмиг развалилась в густой шевелящийся ковер. Хлопки, когда черви лопались под колесами поезда, терялись в общем лязге и грохоте.

Крыс схватился за Алину.

– Бежим! – заорала она ему в ухо, и спорить ему не хотелось. Рука в руке они наобум рванули по коридорам, доверившись инстинкту Крыса выбрать тот, что ведет вниз. Сколько времени спустя – неизвестно, они одновременно замедлились, переводя дух.

– Боженькин кал, – бросила Алина. – Охереть ты решил срезать путь, а? Давай сэкономим время, только нас черви в жопу трахнут?

– Если б ты не зажгла фонарь... – зашипел Крыс, но ему не хватило воздуха – не смог закончить.

– Аюшки, – уныло произнесла Алина. – А я откуда могла знать, что здесь целая, на хрен, станция? Когда лезешь по кишкам земли навстречу, драть их, древним ужасам со времен зарии человечества, обычно не у кого спросить, нельзя ли подъехать пару остановок.

Крыс пожал плечами. Здесь, внизу, бывают вещи и более странные. Он ее предупреждал.

– Вот говнище! – Алина подняла порванные остатки котомки. Свитка не было.

* * *

Кари не знала, как людям полагается воссоединяться. В целом и как возвращаться – представляла слабо. Эладоре тоже было не по себе. Кари быстро просекла, что Онгент ничего не рассказывал родственнице ни о жизни сестры со дня ухода из дома, где обе провели детство, ни о ее непонятных видениях. Кажется, Эладора считала, что профессор взял Кари из жалости; будто этот мягкосердный дурень наврал университету, чтобы дать ей крышу над головой. Он вытащил Кари из тюрьмы и доставил сюда, в тихую обитель книг, закрытых дверей и аккуратно сложенной одежды, а потом потопал из дому в университет на гребне холма, а ее оставил наедине с Эладорой.

Почти наедине – в доме был кто-то еще, в каморке на чердаке. Она как-то услышала шаги, скрип, но жилец так и не появился.

Эладора использовала вежливость, как корабельный конопатчик смолу, полным ее совком замазывая каждую трещинку в разговоре. Она начинала лопотать об общих родственниках и людях, знакомых с детства. Кари и тогда не было никакого дела ни до кого из них, а пролетевшие годы сентиментальности ей не прибавили. Имелся еще и подводный риф в виде убийства семьи Таев, которое Эладора усвоила избегать, а Кари обсуждать не хотела, поэтому любой разговор о семье требовал тщательно продуманной навигации.

Более безопасным было плавание по теме университета. Эладора – одна из студенток Онгента на факультете истории. Профессор Онгент – замечательный учитель. Ну не чудо ли

очутиться здесь, в великом городе Гвердоне, с его достопримечательностями и своеобразным духом? И даже с долей безрассудства – порой Эладора с подругами заходят аж в трущобы на Доле Блестки!

Стало ясно, что жили они в совершенно разных Гвердонах. Вежливая улыбка зависла, пока Кари буднично описывала закоулки города, о существовании которых Эладора и не догадывалась. Раз Кари обмолвилась, как сальник пырнул ее ножом, и Эладора выронила чашку. Фарфор разлетелся об пол, при этом Эладора, застыв лицом, даже не повела бровью.

Прикалываться, так по полной. Кари начала травить дорогой сестрице истории про свои мореплавания. Некоторые правдивые, некоторые – нет, но Эладоре явно не дано было различить, где какие. Эладора севшим голосом помянула бойцовые ямы; за Кари однажды на болотах гнался червь-умертвитель. У Эладоры есть синий жадеитовый браслет; Кари припомнила, как похитила груз синего жадеита с побережья Маттаура. В классе Эладоры учился мальчик, который ей нравился; Кари была храмовой танцовщицей в Северасте – ну и так далее.

Коронным блюдом стал вопрос Эладоры, где Кари останавливалась до того, как Онгент привел ее сюда, и Кари ответила, что делила скромную квартиру с каменным человеком. Эладора вдруг вспомнила какое-то неотложное дело и скрылась в ванной. Послышался шорох неистойвой оттирки, и полчасика Эладора не высывалась обратно. Следующим утром Кари встала и обнаружила, что кухня отдраена с химическим средством очистки, а их чашки выбросили в камин, растолкли и сожгли.

Эладора показала Кари ее комнату. Первый этаж, рядом с сестрой. Этажом выше по узкой лесенке располагалась еще комната. На двери замки, а ключей нет. Нет книг на полках. Простыни свежестираны, и на стуле сложены три серые платья-хламиды, как то, что она носила.

– Почти как раньше, в мамином доме в Вельдакре, – сказала Эладора, пускай ничего похожего не наблюдалось. – Так здорово снова тебя увидеть, Кариллон, – хотя очевидно, это не так, – но ты наверняка устала.

Последнее – правда.

У Кари многие годы не было такой большой и мягкой кровати. Первый раз за много месяцев у нее полный живот. Ей тепло, сухо и безопасно, но сон все равно не шел. Она переживала о Шпате, переживала о Крысе. Каждый раз, когда она едва не засыпала, краешком сознания слышались голоса – голоса шептались друг с другом, перекликались где-то на крыше. Порой они звучали здесь, за окном.

В конце концов она сдалась. Собрала одеяла, спустилась по ступеням в подвал и в темном углу соорудила себе постель.

Наконец она заснула и не видела снов.

Глава 5

Джери наблюдал за спящим каменным человеком. Каменные люди спят беспокойно, каждые несколько минут меняют позу, удостовераясь, что не кальцинируются без движения. Джери знал больных, использовавших изощренные способы – слуг, которые каждый час их расталкивали, наклонные постели, с которых постепенно скатывались вниз, часы, свечные будильники и прочие приспособления для пробуждений. Другие просто упражнялись спать короткими наплывами дремоты, никогда не лежали неподвижно более получаса за раз.

Большинство спали стоя на случай, если вдруг больше не смогут подняться. Ничто не убьет каменного человека быстрее, чем вынужденная лежка.

Запертому на островке Шпату было не на что опереться, и ничто не разбудит его, если сон надолго затянется, кроме собственных страхов. Он вздрагивал каждые пять минут, болезненно распрямлялся, протрясал каменевающие члены, проверяя, что за отдых ни один сустав не заклинило.

Парень снова подхватился и заметил Джери в его маленьком гребном ялике.

– Завтрак, – крикнул Джери и швырнул сверток с едой. Шпат попытался поймать, но от усталости оставался вял и медлителен – и выронил пакет. Тот с плеском упал в воду и погрузился на отмель у островка. Джери мог подгрести и вытащить его, но так близко подходить к заключенному не собирался. Он слишком уважал силу каменных людей.

По-любому, голодным парень скорее сдаст ему Хейнрейла.

Шпат перегнулся над водой, в страхе поскользнуться на илистых камнях и свалиться в пучину. Он выудил из воды промокший сверток. Но сырая бумага расплзлась под пальцами, и ломоть хлеба отправился в плавание по темно-зеленым волнам.

– Созрел к разговору? – спросил Джери.

Шпат сел к ловцу воров своей могучей гранитной спиной и начал есть то, что осталось от и так мелкой пайки.

– Вечером вернусь, – добавил Джери и погреб обратно к берегу. Перед уходом он проверил в кабинете коробку с алкагестом. Осталась всего одна порция. Надо найти еще. Джери гордился тем, что способен сломить волю самого упрямого задержанного, но это был сын Иджа. Того Иджа, который плюнул в харю городу и страже и принял петлю, чтобы защитить основанное им Братство.

Папка той девчонки Тай до сих пор на столе. Он взял ее в руки и с раздражением пролистал. Целый день убил на капризную беглянку, а она о Братстве ни в зуб ногой. Ладно, не совсем впустую – хотя бы профессор задолжал ему ответную любезность. Он задвинул папку в лоток и взял с собой тот журнал записей рождений и смертей из разрушенной палаты. Неясно, что с ним делать, – говоря официально, он не имел права его изымать, но он научился полагаться на чутье. Найти важные записи по делу нетронутыми, когда сгорело все прочее, – это что-то значило, даже если он пока не мог разгадать их смысл.

Следующее место встречи – кофейня на площади Отваги. Это заведение высшего разряда, поэтому поверх кожаной амуниции он накинул богатое пальто. Посох с крюком он оставил на вешалке, а взамен взял прочную трость для ходьбы, с потайным клинком. У пальто отличные большие карманы, хватит спрятать и маленький пистолет, и руки самого Джери со всеми их шрамами и мозолистыми костяшками. Утром он побрился – еще одна уступка знатному обществу. Надо напустить респектабельность, когда возвращаешься среди членов парламента.

Он сунулся в комнату Болинда. Здоровяк развалился на койке, как выброшенный на берег кит, и читал газету.

– Я пошел. Поглядывай, как там Иджсон.

- Так точно, босс. Принесете мне оттуда один сладкий рулетик, ладно?
- Я похож на официанта?
- Газета сдвинулась набок, пока Болинд его оценивал.
- Не, больше похож на гориллу, разодетую в мужика-проститута.

* * *

Кофейня уже более сорока лет де факто являлась офисом Эффро Келкина. До сих пор по утрам старик обходил рынок, приветливо жал руки сторонникам и холодно зыркал на соперников, проверял цены и корабельные грузовые списки – точно как попрошайка пересчитывает у себя в миске монеты. Потом он шел к себе за стол, в зальчик в глубине «Вулкана», и сидел, как гласила легенда, над одной и той же чашкой кофе – ее без конца наполняли снова.

Джери больше узнал о Келкине от профессора Онгента и его привычки фонтанировать наставлениями из новейшей истории, чем от самого старика. Келкин был очарователен донельзя, когда сам того хотел, но Джери его работник, а не приверженец на выборах, поэтому ему досталась другая сторона большого человека – кислая, что твой уксус.

Поколение тому назад Келкин был самым могущественным политиком города. Он был творцом промышленно-либеральной коалиции, разорвавшей хватку теократов на горле парламента, непобедимый чемпион среди торговцев и вкладчиков, чьи состояния приливали и отливали через пристани Гвердона. Будучи у власти, он возглавил карательный поход против «преступности, коррупции и раскола». В изложении Онгента, вместо попытки исцелить раны Святой Розни он прижигал их огнем. Хранители ненавидели его за это до сих пор, и всегда ходили слухи, будто Келкин – тайный член какой-нибудь катакомбной секты или зловещего культа. Пронаблюдав за нанимателем почти четыре года, Джери – ловец воров подозревал, что для Келкина существуют только одни боги: Деньги, обрученные со святою невестой Торговлей, и двое их сыновей – Порядок и Власть.

Ты этот город создал, размышлял Джери, и город тебя одолел. В наши дни старая промышленно-либеральная фракция Келкина – ничтожное парламентское меньшинство, а власть в руках мастеров гильдий, особенно алхимиков, и вражда Келкина с гильдмистрессой Рошей знаменита своим накалом. Несколько лет назад Келкин попытался обойти алхимиков по вопросам закона и правопорядка, а те в ответ вывели на улицы сальников, и Келкин барахтался как мог, чтобы не отстать в соперничестве.

Однако деньги Келкина оседали в кармане Джери, в то время пока старый политикан пытался, как мог, нанести удар по городской организованной преступности. Уже звучали возгласы спустить сальников с поводка, дать им больше свободы в охоте на криминал.

Джери шагнул в гостеприимную теплоту кофейни, протолкался сквозь напиравших посетителей к столу Келкина. Обычно ему приходилось ждать приема, но не сегодня.

– Я б тебя за пальцы на струне подвесил, – прошипел Келкин. – Это же полный провал.

– Я не завтракал, босс, – возразил Джери, – поэтому дайте отдышаться, прежде чем обрушите гнев.

– Я тебя твоими же, сука, кишками накормлю. По-твоему, смешно, что Палата Закона все еще догорает?

– Разумеется, нет. Разумеется, это несчастье – но скорее для алхимиков, а не для вас. Это их свечки горели вокруг здания всю ночь и все равно не предотвратили нападения. Если они не в силах защитить Верховный суд, вряд ли они смогут убедить доверить их рукам охрану всего города?

– Я тебе не за консультации плачу, – отрезал Келкин. – Где Хейнрейл?

Джери поймал взгляд официантки, беззвучно шепнул заказ. Она кивнула. Келкин ложкой шарахнул Джери по кисти. Внутренне Джери расхохотался – он оценил дерзость старика.

Келкин наверняка знал: Джери способен мигом сломать ему шею голыми руками, не говоря о дюжине боевых орудий, тайно укрытых ловцом в широком пальто.

– Прошлой ночью в Палате находились две воровские банды Хейнрейла. Одна группа, по-видимому, взламывала сокровищницу под башней. Это они заложили бомбу и, похоже, недооценили, насколько мощным получится взрыв. Я пока не читал отчет алхимика – ознакомлюсь, непременно, – но догадываюсь: взрывом убило всю первую группу. Вторых собрали приманки ради, чтобы привлечь внимание стражи и выманить ее из хранилища. Каменный человек, проныра-воровка и упырь. Упырь достался сальнику, зато я поймал двух других.

– И кто эта воровка? – спросил Келкин.

Джери тщательно взвесил ответ. С одной стороны, Таи участвовали в коалиции Келкина, но это не значило, что они не были заодно и его злейшими врагами, а Келкин ведет дотошный учет долгов, услуг и причитавшихся наказаний. Если рассказать об истинной личности девушки, это может породить новые проблемы. В любом случае Келкин платит ему за Хейнрейла, а не Кариллон Тай. Она – приз Онгента. Чемпион в конкурентной торговле вряд ли обвинит Джери за помощь нескольким клиентам сразу.

– Обычная девчонка, человек, недавно приплыла из Севераста. Даже не принята в Братство. Расходный материал.

Келкин раздраженно хрюкнул.

– Значит, у тебя ничего нет.

– Есть каменный человек, я запер его в старом литозории, на Мойке. Он был вожаком их группы и общался с Хейнрейлом.

– Напрямую или через посредника?

– По-моему, напрямую. Я его пока не расколол, но...

– Но ему нужен алкагест. Знаешь, теперь Хранители дают его даже уголовникам в тюрьмах! Милосердные болваны. Пенсы из тарелки подаваний для бедных идут прямо Роше в карман – и ради чего? Пары новых прискорбных дней жизни ходячему мертвецу? – Келкин щелкнул пальцами. – Я перемолвлюсь с Вангом или другим мировым судьей, добьюсь предписания, и сможешь держать своего каменного взаперти еще месяц. Если не сломаешь к тому времени, придется передать его в обычный суд... или ты думаешь, он ни за что не даст показания на Хейнрейла?

Не один Хейнрейл считает Шпата одноразовым товаром.

– Думаю, сумею его уломать. Он упрям и верен Бра... гильдии воров, но я над ним поработаю, постараюсь убедить, что Хейнрейл его продал – выставил приманкой для стражи – и что старые времена давно ушли.

Келкин кивнул:

– Достану тебе расширенное предписание.

Джери практически слышал за кустистыми бровями перестук счет и скрип пера в объемистой книге долговых записей. Любезность, оказанная судье за продление срока задержания для Шпата. Новый должок перед Джери к выплате серебром. И вечно наращиваемый процент огромных, обширнейших обязательств, которые причитаются Келкину со всего города – по его собственному мнению.

– Что было в хранилище? – спросил Джери. – Если знать, для чего им понадобилось взламывать Палату Закона, многое станет понятней.

– Ладно, будет и список.

Они покинули кофейню. В летах, но темп Келкин задал устрашающий, споро прихрамывая, как сердитый жук. Джери приметил на площади Отваги его карету, но старикан пер к улице Сострадания пешком.

Запах гари. Сажа на стенах и окнах. Непривычное небо без Башни Закона – прежде она высилась над округой, как часовой.

Они миновали виселицу.

Миновали воздвигнутый Хранителями памятник на том месте, где узников некогда продавали с молотка разным культам, обрекая на участь человеческих жертв, – давным-давно, когда Гвердон, бывало, заигрывал со свободой вероисповедания. Кровавые истории о торгах живым мясом Хранители выдвигали как довод против замыслов Келкина открыть город иноземным богам.

Они миновали и ряд бдительных сальников – походило, будто место происшествия обнесли горящими факелами.

Внутри, среди булыжников, ковырялись рабочие. Многие – заметил Джери – каменные люди. Когда напасть проявилась впервые, лет так тридцать назад, Келкин приказал отделить зараженных и заключить их в загородной соляной шахте. Тысячи обывцев там до смерти, и прокатились Каменные бунты, и то правительство было низложено. Даже Джери похолодел, когда один из хворых монстров обратил на Келкина внимание и узнал его. По гуще людей пробежался ропот недовольства.

Келкин, наплевав, прошел мимо них, будто они уже застыли известью.

Каменных людей бросили на раскопки, потому что на руинах по-прежнему горячо. Однозначно заряд алхимический – фанаты оружия доводили до совершенства огонь, что не гас, кислоту, что проедала корабельный корпус, газы, что слепили и удушали. Сыворотку оборотней, распылители трансмутационных испарений. Стремилась познать секрет Философской Бомбы.

На улице Сострадания, за шеренгой сальников, собралась многочисленная толпа. Кучка поменьше, но и знатнее, сошлась по эту сторону, на почернелой траве центрального двора. Гильдмистресса Роша, самая могущественная женщина города, и ее уполномоченный в парламенте, Дроуп, спорили с группой Хранителей в рясах о передаче останков колокола, бывшего на разрушенной ныне звоннице. Хранители утверждали, что это освященная церковная реликвия, пускай установленная на гражданской постройке. Роша настаивала на проведении анализа металла – это позволило бы выявить примененное поджигателями оружие. В отсутствие более авторитетной или более компетентной власти решал спор начальник городского дозора Артан Набур. Джери наострил уши и пристроился позади собравшихся, пока Келкин отправился портить жизнь какому-нибудь уголовному приставу или писарю.

Что выберет Набур? Для Джери привычней ставить на то, какой таракан первым домчит до потолка в трактире, или на исход драки в Мойке, однако тот же принцип и здесь. Воспротивится ли Набур переходу городской стражи под опеку гильдии, вступится ли за людей из плоти и жил против восковых чудищ или же, виляя хвостом, потрусит в конуру дожидать до отставки ради милостей Роши?

Никакой борьбы мнений. Набур прочавкал о том, как признателен он гильдии за помощь, как важно городу поскорее разрешить это дело, чтобы не потерять лицо, и как Хранителям, ценной и почитаемой части нашего духовного руководства, недопустимо и далее навязывать свою волю светским властям. Он распинался, пока Роше не надоело и та не перебила его: отчет об анализе будет передан страже, как только будет готов. Каменные люди пошли грузить в фуры с огнеупорными тентами искореженные куски кладки, осколки колокола, разломанный булыжник и до сих пор мягкие наплывы металла. Повозки казались Джери катафалками.

Ему нужна копия этого отчета, в идеале до того, как бумага попадет в руки стражников. Он изучал лица младших алхимиков, надзиравших за работами, – один из них может стать его источником. С алхимиками одна беда – нельзя подкупить людей, способных превращать грубое сырье в золото. В данном случае через продажу за море оружия и лекарств – но принцип тот же. Ничего, он отыщет способ.

Из толпы возник Келкин и вручил ему убористо исчерканный листок.

– Пара тысяч монетами. Церемониальные жезлы и цепи. Один из мечей Изгнания. Копии договоров и всяких правовых документов. Улики и показания к судебным делам, культ Каракатицы, Беканорский вопрос... – бормотал Келкин. – Естественно, все уничтожено. Придурки!

Келкин повернулся с намерением вновь разжечь спор и распять Артана Набура – на такое Джери с удовольствием бы посмотрел, – когда снаружи раздались крики и свист. Шеренга сальников подалась вперед, толпа отпрянула, как стая рычащих волков от горящего факела в морды. Ровная линия охранения изломилась углом, с острием в сторону переулка.

Гильдмистресса Роша и Набур двинулись первыми, толпа, Келкин и Джери в том числе за ними.

Оставленные на время без присмотра каменные люди бросили работу, но не ради отдыха. Топоча, они разбрелись по развалинам, трясли затекшими конечностями, вкалывали друг другу драгоценный алкагест. Одна полустатуя разбойного вида стырила шприц у соседа, и их свара стала дополнительным развлечением для толпы.

Напоказ торжественно и серьезно Набур обследовал ограду со стороны переулка.

– Что там такое? Тебе что-нибудь видно? – допытывался Келкин, не в состоянии глянуть поверх голов. Джери же хватало роста прочесть нацарапанную на кирпичной стене надпись.

ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЁ.

Ниже и ниже.

Вниз, пока не окутает гнилостным теплом с сочным привкусом разложений. Вниз к тоннелям, прогрызенным безымянными тварями, что бурвят камень, как трупные личинки ветхую плоть.

Крыс – упырь молодой. Он не лазит сюда, в глубину, без крайней нужды. По природе тело таких, как он, проходит разные стадии: ровное течение жизни чередуется с промежутками стремительных перемен. Как молодой упырь он мог при тусклом свете сойти за надземного жителя в своих глазах и наслаждаться мирскими радостями. Пока он на поверхности среди живых, погружен в вольное, непредсказуемое течение жизни верхнего города, его молодость продлевается, ибо упыри старятся не как люди.

Упыри постарше становятся звероватыми, порочными, их направляет голод. Общаться они не способны, кроме как ревом и воплями, на уме у них одно: где бы поесть падали – или мяса посвежее. Их обжигает солнце, отталкивает город наверху. Крысу противно слабоумие упырей средних лет, ненавистно присоединяться к их бесчисленным хищным ордам, что полонят пещеры в этой области подземного мира. Съеденная ляжка трупа елозила по желудку и тянула вниз тяжелым якорем.

Жара впитывалась в плоть, обволакивала кости. Гнилая вонь проникала всюду, впивалась в мозги. Живот набухал, и Крыс подсчитывал, сколько отсюда до ближней трупной шахты. Целую минуту заняло у него вновь припомнить, что стволы этих шахт пробиты верхним народом для подношений, уплаты дани народу упырей, и не являются неотъемлемой частью мира. Его мысли стали вязки, как смола.

Алина шла сзади. Эти туннели слишком узки, мечом тут не взмахнуть, но при ней кинжал и еще пистолет. Разряжен, но все равно пугающ. Матерые упыри от нее шарахались – из-за почтения к волшебке алхимиков, которая так громко гавкает, и мерцанию на клинке сполохов беспощадного святого духа.

Она окинула взглядом боковой туннель, где свет ее клинка отразила сотня пар голодных глаз. Один упырь протолкнулся на свет, зарычал. Она ухмыльнулась и сделала шаг навстречу. Упырь бесследно скрылся в темноте.

– Шаркать-то еще далече? – задала она вопрос. – А то чего-то твоя родня меня принимает за обед, а не чествует как эмиссара святейшей, растудить ее, церкви.

Крыс замотал головой, чтобы прочистить мозги.

– Уже недолго. – Он так ответил, а по правде – кто его знает. В туннелях отметок нет, путь прокладывается по чутью. Без понятия, то ли изменились подземные тропы, то ли сознание его просто не сохранило в памяти, какая дорога короче. Придется позволить вести чутью, а надземный разум пусть тонет в упырьем естестве. Придется терять себя по кусочку.

Одичать – не самое плохое. Хуже будет потом.

Зловонный сквозняк задул по коридору, и он понял – уже близко. Проход ширился. Позади зрелые упыри курлыкали и шипели друг на друга, но следовать дальше не смели. Алина и Крыс двинулись в туннель попросторней, и тот вскоре окончился в огромной пещере, куда большей, чем расходилось свечение огненного клинка Алины. Крупнее, чем собор изнутри.

На полу пещеры хрустели кости, вверх вздымались гигантские пьедесталы колонн. И на каждом пьедестале располагался на корточках старейшина упырей.

Крыса охватила жажда спрятаться или упасть ниц перед этими чудищами. На том конце жизненного пути упырей, за хищным лабиринтом слепого голода и бездумного инстинкта, лежал переход в старейшины. Самые маленькие из них были десяти-двенадцати футов ростом, череп устрашающе вытягивался в собачью морду, пальцы навсегда скрючились в когти. Глаза испускали оранжевый свет. Чутье насыщало их колдовской силой – они кидали заклятия, как упыри помоложе рвут глотки, увечили саму реальность. Они – поглотители душ, проводники в иной мир, подьедавшие покойницкие подонки. Их колдовство – застывший жир, вытопленный с тысяч трупов, впитанных ими. Они сидели поджав ноги и пялились друг на друга – беседовали своими способами, которые Крыс и не начинал постигать.

Ноздри их заблестели, когда они унюхали Алину. Один наклонился вперед и что-то про-
рокотал на языке, более древнем, чем город; его не знали ни Алина, ни Крыс и ни единая живая душа.

Алина задвинула меч в ножны, убрала пистолет.

– Хранители послали меня, – начала она.

Старейшина сердито заворчал – злился от недостатка почтения. Вокруг него другие старейшие заворачивались, выходя из задумчивости. В воздухе, как горчичный газ, зашипели чары, у Крыса защипало рот и нос. Ему хотелось сбежать.

– Монахи-мужеложцы и их чертовы свитки! Ох. Я же все это записывала, – бормотнула Алина и попробовала повторить по памяти правильное приветствие. Слова эти для человеческого языка не значили ничего, и она спотыкалась о них, словно пыталась прополоскать горло с пальцем во рту.

Оранжевоглазый старейшина распрямился: копыто одной непотребно длинной ноги коснулось пола пещеры, за ним другое, кроша в пыль черепа. Он встал и навис над пришедшими. Челюсть разомкнулась неимоверно широко – он зевнул и взревел. Пускай старейшины – защитники, жрецы и боги своей расы, но отдельного упыря им ничего не стоит прихлопнуть как муху. Крыс съежился в предчувствии смертельного хлопка.

– Да ну, на хер.

Алина внезапно вспыхнула лучезарным огнем. Преображенное, ангелоподобное, ее физическое тело стало оболочкой из грязного стекла для горящего внутри светоча. А голос подобен небесному хору.

– Я ПОТЕРЯЛА КЛЯТЫЙ СВИТОК, ЯСНО? ИЗ ГОВНА Я ВАМ КОНФЕТКУ НЕ СДЕЛАЮ. – Каждое слово отдавалось трубным эхом. – НО НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ. УГОВОР ВАШЕГО ПЛЕМЕНИ С МОИМ ЕЩЕ В СИЛЕ. Я ВАМ НЕ ВРАГ. – Она вскинула голову. – ВАМ СО МНОЙ ВОЕВАТЬ НЕ ЗАХОЧЕТСЯ.

Старейшина вздрогнул и уселся обратно на пьедестал. Желтый, чешуйчатый, как у ящерицы, язык облизывал острые зубы, пока упырь взвешивал слова святой. Потом его когтистый палец указал на Крыса, и рот у того вдруг перестал быть его. Через него заговорил старейший упырь – слова извилисто проползали сквозь горло и вываливались наружу.

– Уговор в силе. Что тебе нужно от первых жителей?

Пламень Алины пригас.

– Хранители обеспокоены. Они просили сказать, что узники в клетке бьются и шумят. Они неутомимы. Знают ли узники нечто такое, чего не знаем мы?

Нечеловеческое, студенистое изумление донеслось вместе с приказом говорить, и Крыс невольно сотворил ухмылку, произнося:

– Многое. Они старше ваших Хранителей. Но мы несем дозор на вратах. Веретенщики остаются обузданы. Свирепы, очень разозлены, но обузданы.

– Все?

Крыс понял, что пожал плечами.

– Сосчитай их, коли сможешь. Разве город твой пуст? Не твое ли собственное лицо сейчас на тебе? Мы свою часть исполняем. Ищите среди своих.

Проговаривая, Крыс уловил отголосок мыслей древнего упыря. Воспоминания о старой-престарой войне, о священных бойцах в капюшонах – в руках огненные мечи, о том, как одинаково горят упыри и веретенщики, как горит всякая нечистая тварь из глубин. Они не везде действовали скрупулезно. Иные твари уцелели – и гноили скверной руины храмов, и росли под почвой склепов. Предстали видения: веретенщики расцарапывали каменные печати, что поныне держат под замком остатки нечестивого войска.

Они боятся, подумал Крыс.

Зря он подумал.

Старейшина упырей был в его голове – и читал его мысли быстрее и отчетливее, чем он мысли старейшин. В миг перед взором предстал он сам в виде крысы: клочочек жалкого, обмочившегося меха и мяса метался по темным углам, а великий упырь, словно громадный хищник, урчал, принимался, готовился к прыжку. *Заткнись и не лезь, куда не звали*, – таков смысл послания, и Крыс усвоил его. С краю дольше проживешь – он не матерый упырь, не ворухарь, не крутой здоровяк, не агент церкви Хранителей, но по чуточке от каждого, на самой грани. Не ввязан ни во что, всегда готовый свалить, и он искренне стремился таким и остаться. Больше он не понимал и знать не желал, о чем там рядятся упыри и Алина.

Старейшина упырей опустил руку, и Крысу опять вернулось собственное тело.

– Хранители выполняют обещанное. Почившие в вере – ваши, – сказала Алина. Огонь потух, и она хмуро добавила: – Им-то по этому поводу возразить нечего.

Старейшина упырей впрямь засмеялся над этим: загудел клекотом, будто всасывающий водосток, и полез на свой пьедестал. Смежил глаза и вновь вступил в молчаливую беседу с собратьями.

Алина вздохнула.

– Пошли. – Она здорово утомилась.

– Сюда, – позвал Крыс, себе на удивление. Он повел ее по другому туннелю. В голове ясно забрезжил путь обратно на поверхность. Видно, старейшинам тоже хотелось поскорей избавиться от Алины.

Они пробирались в тишине, брели в гору по бесконечным упырьим коридорам, что переплетались, закручивались винтом до самого верха.

* * *

Как ни странно, некоторые лекции оказались для Кари вполне интересными. Первую пару минут она надавливала на алхимическую веревку, намотанную на кинжал, мечтая, что вдруг она за ночь ослабла, но та держала, как всегда, крепко. Потом она рассматривала сотоварищей-студентов, тихо сидящих серыми рядами – как послушники некой церкви обучения. Большинство люди или в целом сойдут за людей; в первых рядах сидел ползующий, одной пер-

чаточной рукой он постоянно придерживал фарфоровую маску. В Северасте она навидалась существ и побредовее.

Некоторые студенты глазели и на нее, гадая, кто эта новенькая. Она пялилась в ответ, пока те не опускали взгляды. Ее владение законами Гвердона ограничивалось практикой уличной воровки, проще говоря, «не попадайся». Теперь она задумалась о своем положении. Ловец воров ее отпустил благодаря посредничеству Онгента – но он частный охотник, а не официальный представитель городского дозора, поэтому формально она все та же преступница в розыске. И сальники всегда на посту... правда, в Университетском округе они особо не попадались – вот и прекрасно.

К аудитории Онгент не обращался. Половину времени он разговаривал как бы сам с собой или вел диспут один на один с задавшим вопрос студентом, но его увлеченность темой вдохновляла весь класс. Кари усваивала лишь обрывки его речи – о том, как постройки меняли свое назначение со временем. Она сама встречала такое на Могильном холме, где усыпальницы сделались домами живых обитателей. Крыс устраивал ее там на ночь-другую, пока не отвел к Шпату.

Ей хотелось, чтобы здесь оказался Шпат. Он почерпнул бы из лекций куда больше. С его умом надо изучать архитектуру, управление или ораторское искусство, а не вытрясать из лавочников поборы за крышу.

Профессор рассказывал о Морском Привозе, где раньше был храм каких-то богов, которых выкинули из Гвердона в стародавние дни, и о том, как под лотками с рыбой требухой до сих пор можно разглядеть следы изначального предназначения здания. Рассказывал о Колючих Садах в Серране, где старый королевский дворец превратили в лабиринт смертельных ловушек – остановить любого претендента на корону; об изъятии части Замкового холма и о том, как люди заселяли бесхозные дворцы и устраивали там общежития. А потом он перешел на сооружения, королей и династии, о которых она слыхом не слыхивала и совсем упустила нить лекции.

Ее морил сон, пока покрасневшая Эладора не пихнула локтем под ребра. Самопроизвольно Кари схватилась за нож, но, по счастью, он был обвязан, никто не пострадал и почти никто посторонний этого не заметил. Кари пробормотала подобие извинений. Если поразмыслить, она полноценно не высыпалась с самого прибытия в Гвердон, хотя прошлой ночью урвала пару добрых часов в подвале. Она скучала по гулу ветра, по бегу волн. Зевнула, прикрыв рот ладошкой, до того чистой, что сама не признала ее за свою. Эладора заставила Кари отдраиться до выхода в университет, отмыться от Мойки и соскрести любой налет каменной хвори. Эладора поджидала ее с полотенцем. Как в прежние дни в доме у тети Сильвы – обе опять вернулись к своим детским привычкам.

Онгент подхватился из лекционной залы в сопровождении свиты помощников и студентов. Эладора потащила с ними и Кари. Профессор разделялся с учениками по одному – первому ответил на вопрос об обрядах Варитианского королевского дома, второму сказал, когда сдавать сочинение, посоветовал третьему, в каких книгах справляться. Один за другим они поотваливались, и осталось только трое – Кари, Эладора и молодой человек, ступавший за Онгентом как тень. Между ними имелось определенное семейное сходство, и Кари решила, что это Онгентов сын, но там, где профессор был сплошь борода, вдохновение и буйные жесты, его сын был скорее замкнут, даже угрюм, и двигался скупыми шажками, наводя Кари на мысли о скорпионе. Он носил все такую же серую рясу студента, пережиток тех лет, когда здесь находилась семинария, – гляньте, даже она сумела кой-чего нахвататься на лекции, но при нем был кожаный ранец, и юноша постоянно держал его под правой рукой.

Кари рассматривала парня и заметила, что Эладора тоже на него заглазела, правда, подход к оценке у нее совершенно другой. Кари встретилась с Эладорой взглядом и прыснула. Эладора отвернулась, краснее прежнего, и припустила за профессором, глядя уже не на парня,

а на свои туфли. Онгент завел их троих к себе в кабинет. С трудом огибая ворохи записей и шаткие нагромождения книг, они отыскиали себе места.

В специальных коробах под стеклом содержались приколотые к дощечкам насекомые, разломанные древние статуэтки, старые книги в кожаных переплетах, разные диковины в банках. На стенах висели простыни карт: на всех Гвердон в различных стадиях развития. На столе еще одна статуэтка: железный, с косою рожей уродец на корточках – напугавший Кари по непонятной причине. Немаленькое помещение, но до того набито Онгентовыми трудами и горами бумаг, что Кари почувствовала себя в заточении. Это место не для нее. Эладора подметила ее недомогание и сдвинула стопки книг на заставленном подоконнике – так Кари хотя бы могла выглянуть из узкого окошка наружу, на квадрат университетского двора.

– Мирен, сделай нам чаю, – распорядился Онгент. Парнишка выскользнул за дверь. Эладора вызвалась ему помочь – чересчур быстро и охотно, – и Кари осталась с Онгентом наедине.

– Как ты сегодня, Кариллон? – спросил он. Он улыбался, но она – приколотая к дощечке муха.

– Бодро, – сказала она, затем торопливо добавила: – Никаких снов не видела. – Понятно, ей стоило бы кормить его помаленьку, повернуть схемку. Иметь виды на деньги – у Онгента их, ясно дело, полно. Но нет, не выйдет – слишком личное. Сюда оказалась впутана ее сестра. Ее семья.

Похоже, он не разочаровался ее признанием. Только кивнул.

– Отсутствие видений не менее важно. Мы должны изучать твой феномен, понимаешь? Что я хочу, дорогая, – это чтобы ты аккуратно вела наблюдения за... ну то есть за всем. Когда тебя посетит очередная греза, и, конечно, что именно ты увидишь, но также где ты в это время была и чем занималась. Отмечай: как спалось, что ты ела, с кем общалась. Каждый раз, когда возникнет легчайший проблеск, эмм, откровения, – записывай.

– Я не люблю вести всякие записи.

– Что ж, пора научиться новому навыку. – Он залез в ящик стола, вынул чистый блокнот и карандаш.

Она приняла их, как щит и меч гладиаторской схватки – скверно ее снарядили к предстоящему бою. Онгент просиял.

– Сейчас, – объявил он, – ты опишешь, как в своем видении ты узрела юного священника в старой церкви, как он встретил очаровательную и соблазнительную девушку, которая потом, как ты дополнила, распалась на части и его съела. Я велел Мирену с утра немного подсобрать сведения, начав с церкви, ближайшей к твоему бывшему... местожительству на Мойке. Значит, там, в старой церкви Нищего Праведника, служат три священника. Один из них именуется Олмия, и если двое других пожилы и согбенны, совсем как я, то этот едва ли старше тебя. Сверх того, несколько человек припомнили таинственную красивую даму: она в этой церкви посетила всего одну службу и больше ее никто не видел.

Очевидно, у нас нет свидетелей, чтобы убедиться, пожрала ли эта женщина Олмию и приняла ль его облик. Свидетелей нет, кроме тебя, вот так, – но это явным образом подтверждает то, что ты видела.

Кари задрожала.

– Он ведь не говорил со священником? – Если нечто под видом женщины знает, что она видела, как оно убивало Олмию и приняло его облик, то может прийти и за ней.

– Нет. Я просил его быть осмотрительным. Однако он установил еще кое-что интересное. Эта женщина была на службе у Олмии, когда ты упала со стены. Это было не явление прошлого, Кариллон, – думаю, все произошло в тот самый момент.

– И что дальше? Ждать, пока что-нибудь такое произойдет опять?

– Точнехонько. Эладора или мой мальчик Мирен всегда будут рядом, приглядывать за тобой.

– Я не люблю, когда за мной приглядывают. Мне от этого не по себе.

Онгент присел на уголок стола и положил руки Кари на плечи. Чтобы ее приободрить – но она отшатнулась.

– Конечно, вот только эти грезы могут оказаться неодолимыми. Ты сорвалась со стены и едва не утонула. Может быть, ты сбежала б из Палаты Закона, а не свалилась без чувств посреди пожара, не случись этого с тобой тогда в первый раз. Считай присмотр медицинским уходом, а Эладору своей сиделкой.

Как по Кари, хрен редьки не слаще.

– Как раз напомнило, – проговорил Онгент и снял с полки коробку с бинтами и хирургическим инструментом. – Мирен немного поднатаскался на врача. Давай-ка он взглянет на твое плечо.

Когда Мирен вернулся с Эладорой, Кари позволила ему сменить повязку на ране и вблизи наблюдала за его движениями. Он ловко и быстро орудовал скальпелем, срезая окровавленные бинты с изяществом, как ей показалось, карманника. Пальцы, однако, у него были грубые, и он небрежно дергал ее туда-сюда – бесспорно, в анатомии он подкован, но с настоящим пациентом, вероятно, имел дело впервые. Поменяв перевязку, он обработал мазью шрамики у нее на лице.

– Гораздо лучше, – провозгласил Онгент, оценивая работу Мирена. – Действительно, гораздо лучше!

Глава 6

ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЁ.

Угроза? Предупреждение? Объявление войны?

Или отвлекающий маневр? Допустим, подумал Джери, башню разрушили по случайности, грабители недооценили мощь бомбы, заложенной в хранилище. Он неправ? Или все-таки кто-то со стороны пытается извлечь выгоду из несчастного случая, выставя его умыслом? Город уже взбудоражен пожаром, еще одно такое бедствие – и события станут непредсказуемы, забурлит хаос.

Итак, это внутренний враг? Кто больше всех выигрывает от катастрофы? Алхимики с целью упрочить власть над парламентом и наводнить улицы своими сальниками? Религиозные фанатики? Монархисты под молитвы о том, чтобы канувшие в небытие короли чудом возвратились в час роковой нужды?

Или враг вовне? Гвердон со всеми своими богатствами уязвим. Сухопутное войско мало, знаменитый флот прекрасно вооружен, но тоже численно уступает армадам, сражающимся на Божьей войне.

Не моя забота, сказал себе Джери. Келкин нанял его схватить преступного главаря, а не спасти Гвердон от зловещих заговоров. Однако и то и другое может быть связано.

Он перечитал переданный Келкином список содержимого хранилища. Деньги, меч Изгнания, копии документов, судебные улики.

Деньги он собирался отместить с ходу – если у тебя есть алхимическая бомба такой силы, то, продав ее, выручишь больше стоимости того, что хранилось. Но вдруг грабители не представляли себе содержимого палаты? Он прокрутил этот сценарий в голове – они раздобыли алхимическую бомбу и решили выставить не банк, не казначейство, а городской суд – рассчитывая, будто там денег больше, чем в действительности. Не складывается. Шпат, упырь и девчонка Тай были приманкой, отвлекли на себя охрану и сальников. Так распланировал Хейнрейл, а Хейнрейл не дурак. Они знали, за чем идут.

Меч Изгнания... Джери напряг извилины – мечи Изгнания были выкованы *в сей год какой-то там, ибо воистину воспрял черный ужас*. Черти. Демоны. Чего-то там, как-то там. Даже кто эти мечи изготовил, не вспоминалось. Хранили их исключительно ради традиции. Бородатый анекдот:

– Откуда ты знаешь, что это мечи Изгнания? – А сам посмотри – кругом ни одного демона!

Коллекционеры готовы отвалить состояние за такой меч. Чокнутая паства какой-нибудь бесовской молельни могла заплатить, чтобы меч Изгнания уничтожили. ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЁ... и мечей ведь несколько. Надо бы разузнать у Онгента. Профессор был его экспертом в области исторического и потустороннего.

Копии правовых документов и соглашений – не подходит. Обладать секретной информацией нередко сулит большую выгоду, но только когда она остается секретной. Если бы воры собирались отпереть дверь отмычкой и уйти, не выдав своего присутствия, тогда это имело бы смысл. Но они взорвали алхимическую бомбу. С ней ни о какой скрытности речи нет.

Значит, улики и показания. Уловка не новая – уничтожить улику физически, пока ее не успели предъявить в суде. Особенно к месту, когда встает вопрос о благонадежности городской стражи – прямо вот как сейчас. Сальникам улики без надобности, коли они поймают вас на горячем. Однако это применимо только к тем преступлениям, которые им по силам пресечь: убийства, изнасилования, кражи, поджоги и всё в таком духе. Дело по культу Каракатицы уже на грани их компетенции: ритуальные утопления и подношения глубинным созданиям;

а Беканорский вопрос – территориальную ссору между Гвердоном и соседней державой, Старым Хайтом, – вообще непонятно как сюда подшивать.

Хотя одно из трений касательно Беканоры и состояло в оснащении войск Старого Хайта новым алхимическим оружием – и продали его в обход гильдейских торговых представителей. Вероятно, подставные посредники или контрабандисты. Да, но пусть Хейнрейл наверняка получал с контрабанды свою долю, никакая улика или показание из хранилища и косвенно не связывали его с этим разбирательством.

Ничего не срасталось. И не только потому, что не вело к Хейнрейлу. Само вмешательство сюда этого бандита запутывало дело. Хейнрейл не фанатик, не идиот, и он не страдает нечаянными ошибками. Джери запихал список в карман и направился к спуску на пристани.

Профессор Онгент – не единственный специалист, к которому обращался Джери. Когда возникал вопрос из области алхимии или военного дела, у него имелся Дредгер.

Основная рабочая площадка Дредгера не здесь, а на Жуланьем острове, неподалеку от острова Статуй – среди архипелага усеявших залив каменистых шхер. В конце концов толкать свое необыкновенное ремесло в городе ему нельзя. Дредгер утилизировал бывшую в употреблении смерть. Алхимики зорко стерегли секреты своего оружия, но круги его применения расходились по миру. Вечногорящий огонь, ядовитые облака, что не рассеивались неделями, разъедающая металлы слизь. После осады или битвы, выигранной алхиморужием – а если у вас нашлись деньги его купить, вы, пожалуй, и выиграли, – поле боя рубцевали остатки отравы. Конечно, алхимики продадут вам противоядия, но дешевле обратиться к Дредгеру. Может статься, он даже сам вам заплатит.

Он свозил отходы к себе на остров, где его работники – в основном умирающие каменные люди или иные горемыки, кому нечего было терять, – просеивали обломки и мусор и собирали еще пригодные последки. Пузыри ядовитого газа. Осколки пылающего металла. Неоконченные трансмутации тканей. Яйца, откуда еще предстояло проклюнуться неведомым тварям. Эти непотраченные кусочки смерти собирали и паковали – а потом Дредгер их продавал.

Хоть его главные цеха и находились на Жуланьем острове посреди залива, сам Дредгер обычно в тот ад и носа не совал. Работал он в куда менее загрязненном дворе на побережье, поэтому его резиновый защитный костюм с суставчатыми крагами, медный шлем и сипящий дыхательный аппарат предназначались больше для впечатления клиентов – по крайней мере, так полагал Джери. Вообще-то он ни разу не видел Дредгера без облачения, и под шлемом мог скрываться хоть ползущий, хоть какой алхимически сотворенный гад. Но работать приходилось с созданиями и страннее.

– Запомни, у этого человека, – произнес Дредгер, – денег не бывает. Вообще никогда. Только одни неприятности. Застрели его, как снова появится.

Джери достал бутылку нектара; Дредгер обожал приторно сладкий вкус такого вина.

– Как придет, сразу его задуши, – внес ценные исправления Дредгер, – а потом обыщи труп. Присаживайся, Джери.

Громила-прислужник удалился. Дредгер прогромыхал вокруг стола, захватил бутылку и поднес на свет, наблюдая, как тягучая жидкость сползает внутри по стеклу.

– Пробовал ли ты бормотуху, которую варят у нас на Жуланьем? – спросил Дредгер. – По большей части из ферментированных водорослей и слитых химикалий, зато каменных людей не оторвать. Они ей взаправду наклюкиваются до упаду. Даже те, у кого желудок стал кальцием.

– О боги, ни в жизнь. Мне и с глазами неплохо.

– Я спросил, пил ли, а не нюхал. Пить его лучше через воронку, меньше риска, что капли попадут на кожу. – Дредгер запер бутылку в ящике стола. – Ну.

– Ну вот. Палата Закона.

– Догадывался, что ты припрешься ко мне по этому поводу. – Поставщик оружия вытащил изящный металлический шар поперечником около фута, из пластин, собранных внахлест.

Пальцы в перчатке принялись их сдвигать, нажимая на невидимые выемки и защелки, потом поворот – и шар распался у него на ладонях. Он развернул металлическое чрево изделия на столе – видать, собрался погадать на прошлое на бачках и патрубках взамен органов и кишок. – Это осадный подрывной заряд. Флогистон и первоогонь содержатся в отдельных емкостях и высвобождаются, когда запал перегорит *вот здесь*, видишь? Получается большой, мощный взрыв, хватит, чтобы снести стену, а после – море огня, по-настоящему жаркого и дрянного.

– Значит, вот чем обрушили Палату Закона? – спросил Джери.

Шлем Дредгера зашкворчал, заклохотал, и наружу пшикнула струйка пара.

– Если подложить под Палату Закона один такой шарик, то не отделаешься колокольней – улица Сострадания превратится в кратер такой глубины, что кит утонет.

– Киты вроде не тонут в воде?

– Так кратер же будет полон огня, забыл?

– Тогда кит спечется.

– Короче, это перебор. Чересчур много лишней убойной силы. – Дредгер покачал головой, как бы сетуя на расточительность неких определенных кругов.

– Тогда выходит, они применили что-то другое?

– Должны были – но нет. Я почувствовал содрогание земли и видел пламя. Это взрыв флогистона и никак иначе.

Джери взвесил оболочку бомбы.

– Миниатюрная разновидность? Либо настроили на малую мощность?

– Поменьше их не клепают. В обычном виде флогистон просто горит – он подпитывается топливом от чего угодно, горит на льду и даже в вакууме, но так весело не бабахает. Чтобы жажнуло, нужно крепко пошевелить мозгами. – Он махнул крагой на сложные подсоединения патрубков. – Все эти штуковины ради одного – синхронизировать испускание. От этого флогистон поджигает сам себя – и вот тебе взрыв.

Дредгер разыграл наглядно: пальцами изобразил, как флогистон истекает во внутреннюю полость, зацепил и сплел руки в горсть, а потом резко растопырил пальцы, обозначив раскат, сотрясающий землю.

– Впрочем, твоя правда. Послабее жажнуть тоже можно – только надо в этом деле здорово разбираться.

Он забрал шар у Джери, перевернул и указал на пластину.

– Надо просверлить сферу вот тут и в восьми других точках и откачать из каждого бачка в точности равный объем огнежидкости. Элементарный флогистон – дрянь еще та, с ним управляются специальными приборами. Сволочное вещество вечно норовит улизнуть, хитрющий пленник. Его приходится держать под давлением, но не пережимать. Он легче воздуха, а если вырвется – подпалит небеса. Скажем так: когда у нас на утильплощадке происходит утечка, я тут же беру отгул на случай, коли ветер подует не в ту сторону, когда... – Снова сцепились ладони. Снова разыгрывается катастрофа.

– Хорошо. Представь, если бы ты мог все это соорудить и тебе надо вскрыть хранилище банка. Есть ли смысл использовать флогистонный заряд?

– Если кто умеет с ним обращаться, то сумеет смастерить сотню штукovin проще и безопаснее и вскрыет банк. Выходит вроде как стараться втихую прирезать какого-нибудь мудака в переулке из, ну... осадной гаубицы. Безумие.

ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЁ, подумал Джери.

– Итак, предположим, он знал, что делает, – начал ловец.

– Он?

– Они, – поправился Джери. Он. Хейнрейл. – Допустим, мы имеем дело не с конченым дубарьем, и они выбрали такую бомбу нарочно, именно потому, что хотели взорвать Палату Закона – но лишь одно это здание. Массовый ущерб городу не в их интересах.

– Я бы так и подумал, – сказал Дредгер. – Я знаю, что алхимики увезли обломки хранилища на анализ и обезвреживание. На заключение им понадобятся недели, но я поставлю эту бутыл с нектаром против всей паленки в нашем городе, что они со мной согласятся.

– А бомба могла быть из той же партии оружия, какую нелегально отправили морем в Старый Хайт?

Механический окуляр Дредгера щелкнул и завертелся – это он как бы глянул на Джери исподлобья. Всякий раз, когда парламент разбирал контрабанду алхимического оружия, стража не давала Дредгеру продыху. Он неизменно попадал под подозрение. Понятно, справедливое, ведь сам как раз и возил алхимическое оружие контрабандой.

– Возможно, – сказал наконец Дредгер. – Там были фабричные изделия высшей пробы. Хотя я и не слышал, чтобы хайтяне применяли флогистонные бомбы, это штурмовое оружие. Им требуются морские мины, ревуны, кислотное семя – заградительные средства широкого охвата. – Он взмахнул крагой над столом, будто перед ним стелется приграничная суша или море, а он выжигает ее дотла ядовитым облаком. Джери сражался на Божьей войне, когда был помоложе и поглупее, помнил такие бомбардировки, убийственные, как настоящий гнев бога.

– Еще вопрос напоследок, – молвил Джери. – Насколько легко заполучить себе такую бомбу?

– Адски трудно, если серьезно не раскошелиться. Такие вещи уж точно с задка фургона не падают.

– Догадываюсь. И, наверное, об их пропажах за последнее время не слышно?

– К сожалению. В Маттауре завязалась войнушка и прямо криком умоляет привезти им одну. Скажи Хейнрейлу, если хочет поднять денег, пусть переговорит со мной.

– Я его имени не упоминал, – ответил Джери.

– Я с алхимиками состязаюсь. Должен держать ухо востро. Вообще, скажи Келкину, если он хочет сберечь городские деньги, то пусть вместо гильдии наймет на приборку Башни Закона меня. Мои ребята справятся за десятую часть цены. Пусть поднимет вопрос в парламенте, а?

Джери встал.

– Если когда-нибудь увижусь со столь сиятельным горожанином, дам ему знать.

– Представь, я – и вдруг почтенный предприниматель! – произнес Дредгер.

Джери щелкнул пальцами.

– Ах да, нет ли у тебя лишнего алкагеста? У меня в камере сидит каменный человек на поздней стадии, и мне надо сберечь его плоть, пока он не заговорит. Один флакон у меня остался, но парень упертый.

– Лишнего? Нету. Половина каменных людей города ломаются ко мне в дверь, ищут работу. Мне нужны все флаконы, что есть. – Дредгер некоторое время обдумывал просьбу, поигрывая разобранной бомбой. – Могу подогнать пару доз за хорошую цену, если дашь мне пару дней времени.

– Не, если за неделю я с ним не закончу, он станет проблемой Набура. Как бы то ни было, спасибо! – Дредгеру не нужно знать, что Келкин обещал обговорить с судьей продление недельного срока, который отводился ловцам воров на задержанных.

Джери покинул Дредгера и, быстро протопав по лестнице, оказался среди закоулков и узких щелей Мойки. ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЁ, обещала надпись, но бомба, подорванная в Палате, дорогая и редкая. В следующий раз намечается нечто другое? Или он слишком серьезно воспринял мазню какого-то шутника?

Хейнрейл был в курсе. Найти Хейнрейла, и ответы сами посыпятся из него, когда Джери ему как следует вломит. Да, Джери принадлежал к самой простой разновидности сыщиков.

Уходя из порта, Джери двинулся в гору, минуя ряд храмов.

Он прошел возле церкви Нишего Праведника. В дверях кучка воцерковленных приверженцев – с каждым днем их тут все меньше, чужие обратители завлекают их в другие верования, где пути к спасению полегче, а боги поотзывчивей.

Рядом кружилась и скакала храмовая танцовщица, нагишом, невзирая на холодную морось над Мойкой. Незамысловатая одержимость Танцором приносила низкий доход в корыстолюбивом городе Гвердоне.

Шелестящим шепотом к толпе обращался ползущий, манил любопытных подойти поближе и приобщиться тайной мудрости червей. Черви – относительно свежее явление в городе. Сколько лет, как они объявились, – кажется, двадцать? По слухам, то ли опыт одного волшебника прошел неудачно, то ли до червей докопались на островах при археологических раскопках. У них не было ни религии, ни храмов – они продавали загробную жизнь на развес. С их помощью ваши мысли и воспоминания не сольются с богами, а частично останутся существовать в миру, переработанные утробами червей. Естественно, вставал вопрос: после этого в какой мере черви – это вы, а в какой – просто извивающийся клубок, выдающий себя за вас на время, пока переводит вашу недвижимость в деньги? Алхимики в самом деле подмывали колдовской промысел, подумал Джери, раз уж даже ползущим приходится торговать собой на углах.

Барабаны и цимбалы возвестили приближение группы храмовников Последних Дней, а это означало неприятности. Он бросил взгляд на крыши, и, как ожидалось, заметил несколько мерцающих фигур. Они стягивались сюда, перепрыгивая с дома на дом. Перед началом любой крупной драки сальники собирались заранее, как если бы противоборство городских религий было волдырем, который можно вскрыть их острыми кинжалами.

Тоже не моя забота, сказал он себе. Выбрал боковой переулок, чтобы избежать поборников Последних Дней, срезал угол через склады на Рыбной улице. Приличная одежда выдавала, что он при деньгах, но в Мойке все знали Джери – ловца воров. Не встретить таких глупых, кто бы...

...Он вильнул, но камень все равно задел бок, ужалил, перехватило дух. Нападающие изготовились. Трое подонков – один на крыше, еще два на земле. Он никого не узнал – тот здоровый наверняка в городе новенький, а у того на крыше бронзовая кожа и лиловые губы джашанца. Моряк, предположил ловец, захотел срубить лишних деньжат на пропой. Третий тощ, как жердь, губа поджата над кривыми зубами, его мотает – поди подсел на каркушу, чановый джин или другую дурь.

Не на ту они напали жертву.

Он повалился в канаву, застонал, будто не способен встать. Здоровила глянул на Подсевшего и двинулся вперед: в руке дубина, а на лице жадность. Моряк покачивал новым куском кирпича. Подсевший суетливо маячил сзади.

Здоровила уже здесь – и Джери взвился, выдергивая из трости клинок. Пустая трость сжата в другой руке – ей он парировал отчаянный взмах Здоровилы, пока вгонял клинок в его ляжку: неглубоко, артерия цела, зато мужик завопил, как свинья. Затем перекрутил короткое лезвие, и Здоровилу повело влево, как раз под прилетевший от Моряка кирпич. Здоровила сошел со сцены.

Подсевший присел в стойке, попятился. Джери ткнул Здоровилу тростью, просто убедиться – а то вдруг встанет. Моряка уже нет и духу.

Позади послышался шелест. Пар горячего дыхания. Зловоние рыбы и падали.

Бакланья башка.

Он кинулся вперед, чтоб не достали кривые серпы – любимые клинки этих тварей. Создание завизжало от злобы и метнулось за ним. Взору предстали жирные, свалявшиеся перья, мускулистое человекообразное тело, бешеные черные глазки. Из клюва капала кровавая слюна. Бакланьи бошки долго не живут – они не естественный вид, а плоды неоконченного экспери-

мента алхимиков. Через несколько лет тела их распадаются сами. От неутолимой боли они зверски агрессивны, их часто нанимают бойцами, костоломами, вышибалами.

И заказными убийцами.

Джери выхватил из кармана пистолет и разрядил его в грудь баклана в упор. Маловат калибр, да и бакланьи бошки цепляются за жизнь с остервенением тварей, которым вообще не полагалось существовать. От выстрела он едва пошатнулся, но Джери хватило времени выставить между собой и уродцем шпагу.

Он раздосадованно заскрежетал. Сделал выпад справа, слева – но острый кончик шпаги безошибочно отслеживал его действия. У Джери преимущество в дистанции, если урод нападет, то не успеет сблизиться и будет насажен на сталь.

А где Моряк и Подсевший? Джери не удавалось проверить, нельзя отводить взгляда с монстра ни на миг.

Баклан обходит кругом, когтистые ноги кладают по мокрой мостовой. Джери подстраивается шаг в шаг, понимая, что, если поскользнется или оступится, тот убьет его с быстротой молнии.

Им нравится разрывать горло и высасывать бьющую наружу струю горячей крови. На свои изогнутые клинки они подвешивают тела вместо мясницких крючьев – верх ногами, чтобы вытекала кровь.

– Шухер! Вальты! – крикнул сверху Моряк. Шум его возни на крыше прозвучал в такт топоту убегающих по переулку ног – Подсевший с Моряком уже драпали. Баклан замешкался, а потом бросился бежать за подельниками. На ходу он подхватил Здоровилу и закинул на плечо, как мешок картошки. Джери не знал, спасал ли он павшего соратника или подобрал будущий ужин.

Нападавшие скрылись. Минутой позже переулок залил свет – появились три сальника, головы сверкали огнем. Потом ушли и они – в погоню либо на другое задание.

Джери вернул себе трость, просунул шпагу в ложе и попробовал разобраться в происшествии. Если им нужны были деньги, почему бы не подкатить к нему в переулке, а не возиться с засадой? И зачем брать с собой бакланью башку?

Из-за угла вывалился тяжело дышащий Болинд. Лицо как спелый помидор, зато громадная пушка в руке не тряслась, когда он внимательно оглядывал ближние переулки.

– Шеф? Вы живы?

– Ага. Их свечки спугнули. – Он нахмурился. – Как ты узнал, что я в беде?

– Уличные сорванцы прибежали в контору, орал, что долговязый ловец воров выхватывает по голове в конце Рыбной улицы. Кто это был?

– Трое людей и бакланья башка. Все нездешние.

Болинд стал на колени, изучая кровавый след раненого нападавшего.

– Возьму собаку, можно пойти по...

– Брось, – сказал Джери, – за ними погнались три сальника. Давай покамест дадим перерыв городской службе поработать.

Болинд насутился, не опуская пистолет.

– Уверены?

– Ага. Надо заняться делами.

Назад в контору – и тут что-то было не так. Бумаги сдвинуты – самую малость, но достаточно, чтобы он это заметил. Стоял незнакомый запах. Он обнажил шпагу, осторожно ступая по пустому зданию. Проверил оружейную, сейф с документами, свои папки.

Проверил всё снова. И снова.

Ничего. Ничего не пропало, ничего не поменялось.

Он прошел по коридору вдоль пустых камер, открыл дверь в затопленный зал. Каменный парень по-прежнему тут, по-прежнему ходит бесконечным кругом по своему островку.

- Эй, – крикнул Джери, – видел сегодня кого-нибудь?
- Нет, – ответил Шпат.
- Слышал чего-нибудь странное?
- Нет.
- Хочешь поговорить про Хейнрейла?
- Нет.
- Тогда спокойной ночи.

Искусственный островок в поперечнике сорок один шаг. Чуть больше, если забрести в воду, рискуя съехать со склизкого окоема. Каменным людям приходится взвешивать риск при каждом движении. Здоровая плоть исцеляется. Каменную труднее пробить, только вот она не затягивается. Стылая вода пробирала до трепета и звенела болью в разодранной левой ноге, холодила плоть меж пластин окаменелого панциря. Правая нога волочилась сзади мертвым грузом и холода не ощущала.

В следующий раз, когда ловец принесет алкагест, решил Шпат, не нужно мучиться с уколом в бедро. Найдется другое место, повыше на теле. Опять же риск: возможности этого препарата, этого яда, что замедляет развитие болезни, ограничены и необходимо взвешивать шансы восстановить ногу против опасности потерять часть туловища. В итоге хворь победит – лекарства от нее нет, – но при правильном уходе и достаточном количестве алкагеста он мог бы продержаться несколько лет.

В сравнении с этим стойкость на допросе у Джери – сущий пустяк. Шпат едва ли прислушивался к его словам – нехай свистят мимо его каменно-глухих ушей, а угрозы разбиваются как волны о гранитную скалу его решимости.

Ловец воров юлит и крутит, задавая вопросы. Сперва он грозился оставить без алкагеста, если Шпат откажется сотрудничать. Далее пообещал уменьшить срок заключения, намекал, мол, возьмет к себе на службу. А то заявлял, что они поймали Крыса и упырь уже все рассказал, а Шпат сам себя карает ни за что ни про что. Приемы до того древние, что Шпат его и не слушал-то толком. Он не станет сдавать ловцу мастера Братства. На этом точка.

Братство заручилось его верностью еще давно, после того как город повесил отца. Пожилые мужчины с запахом спиртного и одеколona крепко пожимали ему руки и уверяли, что все долги уплачены и о его семье позаботятся. У всех них были грустные глаза, грустные и усталые. Один из пожилых непременно посещал их дом на Боровом тупике, скромный, но лучше большинства городских, и раз в месяц выражал матери Шпата почтение, а ему вручал чек либо пачку банкнот. Их всегда давали именно ему, даже когда он был маленький. Мужчина в доме, человек Братства.

Некогда это кое-что значило. Отец рассказывал ему историю Братства на ночь, как сказку, и звучала она возвышенно и по-геройски. О защитниках простого люда. Братство старше церквей, что прежде правили городом, старше гильдий, старше алхимиков. Воры укрывали здесь краденое золото, когда Гвердон был захолустной пиратской бухтой, а не респектабельным промышленным портом, как сейчас. Но есть районы, где Братство по-прежнему в почете, где люди помнят, что воры делали для их семей многие поколения назад. Где люди помнят о верности.

Братство вступилось за него тогда, когда отвернулись все, когда отшелушились первые пятна раздраженной кожи и чешуйки заблестели на солнце, как сколы кварца. Тогда ему перестали класть деньги в руку. Ему пришлось покинуть соседей, уважаемых мещан из Борова тупика, и съехать вниз к таким, как он, страхолюдинам и отребью с Мойки. Но сообщество воров нашло ему угол. Нашло работу. И предоставило алкагест, его жгучего ангела.

Еще до окаменения Шпат привык не высовываться, но медленно и упрямо продвигаться к цели. Невозмутимый переродился в неприступного. Вокруг него крутился и менялся город – наряду с Братством. Бывалые старики отошли от дел. На их место заступили их ставленники,

вроде Хейнрейла – шустрые и похожи на ящериц. Хлипкие и влажные рукопожатия, стеклянные, бесчувственные глаза – зато они были лучше приспособлены к выживанию в новой обстановке. Открылся последний акт долгой драмы, начатой за много лет до рождения Шпата.

Хейнрейл был не тот, кого Шпат выбрал бы мастером, но тем не менее мастером был он, равно как и убогая квартира на Мойке – не скромный дом в Боровом тупике, но все равно это Братство, и оно заботилось о своих.

Он переворошил один вечер, всего несколько дней назад. К ночи к нему на квартиру явился Хейнрейл. Мягкий стук в дверь, приказ, со стороны вроде бы необязательный. Главарь протолкнулся в квартиру, не глядя на каменного человека; покружил по углам, осматривая комнату. Шпат помнил, как проглотил раздражение, как твердил себе, что каморка на самом деле не его, что она принадлежит Братству.

Телохранитель проследовал за хозяином. Шпату пришлось попятиться, давая чудищу пройти. Холерный Рыцарь втащил в проход свою тушу в доспехах и пристально взгляделся в жилая через окуляры толстого стекла. Костюм из стальных сочленений удерживал его гнилой костяк воедино, а может, спасал всех остальных от токсинов его тела. Подтеки жидкостей покрывали стальные латы пятнами омерзительной слизи. И маска ужаса, надраенный медный череп, украшенный расплывшейся плотью. Говорят, Холерного Рыцаря изувечили на войне – божественным гневом или орудиями алхимиков, – и эта тухлая маска с болтавшейся кожей поверх шлема не что иное, как его собственное лицо, которое он сам себе вырвал от невыносимых мучений. Кем бы Холерный Рыцарь ни был, он страшно силен и безмерно жесток. Шпат не видел, как Рыцарь дрался, зато наблюдал последствия. Черепа, проломленные с такой силой, что они лопались и раскрывались; мозги, разлитые, словно пиво из пробитой бочки.

– Ты здесь один? – Хейнрейл, конечно же, знал ответ, и это, в общем-то, был не вопрос, но все, что бы Хейнрейл ни говорил, звучало на свой лад риторически. Шуткой, в которую прочий народ не врубался.

– Со мной ты, – сказал Шпат.

– По надежным сведениям, у тебя гостя, – молвил Хейнрейл.

Братство заботится о своих.

А если ты не из Братства, то позаботятся и о тебе.

– Она была больна, Хейнрейл. Крыс нашел ее в доках и сжалился. Скоро она уйдет своей дорогой.

– Она была карманницей, мальчик мой. На нашей территории – и играла не по нашим правилам. Ты знаешь, что за это полагается.

– Я этот вопрос улажу.

– За этим мы сюда и пришли, – умиротворенно произнес Хейнрейл. Он прошелся по квартире, перебирая Шпатовы пожитки руками в перчатках. Из тяжелого сундука он извлек пачку рукописных бумаг. – Нижние боги! – Присел и перелистал, благоговейно переворачивая каждую страницу. – Я много лет их не видел. Понятия не имел, что они у тебя.

– Иногда я их перечитываю. Вспоминаю его.

– Ах, Шпат, ты молодец. Конечно, это твой долг. Великий был человек. – Хейнрейл перевернул еще пару листов и замер. На полстранице почерк сменился со скупого, но разборчивого, выведенного рукой Иджа, на размашистые каракули.

Прежде чем мастер успел задать вопрос, загремела входная дверь. Хейнрейл быстро положил рукопись обратно в сундук, а Холерный Рыцарь встал на изготовку.

Дверь открылась. Кари с чересчур блестящими глазами, в руке полупустая бутылка.

– Черт, Шпат, что происходит? – Ее взгляд завис на Холерном Рыцаре, в голосе непривычная дрожь. Репутация Рыцаря по части зверств такова, что сальники в сравнении с ним – невинные барашки. Бутылка выскользнула из пальцев, когда она потянулась за ножом.

– Доставай, – бросил Холерный Рыцарь. В предвкушении крови из его доспехов с шипением вырвался пар.

Хейнрейл привстал со стула.

– Кари, я прав? Не бойся, девонька. Ты среди друзей. – Он поднял неразбившуюся бутылку и бережно поставил на полку.

– Угу. Я дружу с толпой чудовищ – да щас!

– Я отдам за нее, – вступился Шпат. – Не надо ничего с ней делать.

– Боюсь, надо, – возразил Хейнрейл. – У Братства есть договоренности и взаимопонимание с властью предержащими. Нам нельзя позволять помойным воришкам шнырять повсюду, как облезлым котам.

– Я тут не останусь. Через три дня на Архипелаг уходит корабль. Я сяду на него. Уеду и не вернусь, никогда.

– Ты нас уже обокрала, – заметил Хейнрейл. Без всякого намека Холерный Рыцарь накричал и стиснул руки Кари своими громадными лапами. Она пронзительно завопила, когда он перекрутил ей запястья, выдавил из ладони нож. И вздернул ее в воздух одной рукой.

Хейнрейл подобрал нож, провел большим пальцем по смазанному лезвию.

– Боюсь, то, что ты натворила, не останется без ответа.

– Не надо, – громыхнул Шпат. – Я же сказал, заплачу.

– Ты у Братства на хорошем счету. Проступок совершила она, – произнес Хейнрейл.

А затем:

– Ой, что это?

Он приставил лезвие к горлу Кари, а потом подцепил им шнурок кулона у нее на шее. Кончик ножа заскользил вдоль плетения, натягивая шнурок, пока из-под рубашки Кари не выглянул амулет. На взгляд Шпата, смотрелся он как ограненный гагат или какой-то другой черный камень.

– Не трогай. Черт, да не трогай ты! Шпат, останови его, пожалуйста!

Хейнрейл рывком сдернул шнурок.

– Приму за часть платы. – Амулет пару секунд покачивался, переливаясь на свету лампы, а потом по волшебству фокусника вмиг исчез. Кари рвалась из хватки великана-громилы, брыкалась и плевала в Хейнрейла.

– Останови его! – умоляла она.

– Шевельнись, – сказал Холерный Рыцарь, – и она сломается.

– Шпат, придержи свою гостью, – приказал Хейнрейл.

– Не могу.

– Какой сознательный. – Хейнрейл швырнул Шпату одеяло, тот обернул им руки и аккуратно обхватил Кари.

– Тебя убьют, – шепнул он. – Не стоит оно того.

– Он мой. Мне его дала мать, от нее у меня больше ничего нет.

– Он принадлежит Братству, – сказал Хейнрейл. – Придет время, и он может к тебе вернуться, если ты того стоишь. Шпат расскажет тебе, что его отец делал с теми, кто противился Братству. Он поступал, как велит долг, так поступаю и я.

– У меня больше ничего нет, – произнесла Кари. Голос застрял в горле.

– Я его верну, – пообещал Шпат. – Но сейчас не время.

Холерный Рыцарь ехидно скривился и отступил к двери, не спуская настороженного взгляда со Шпата и Кари. Пальцы в броневых перчатках разминались, подбивая Шпата напасть.

Хейнрейл вздохнул.

– Ох, парень, не давал бы ты таких обещаний. – Он повернулся к выходу, ссутулившись, словно нес тяжкий груз. – Пришлю весточку. Дела движутся. Войска построены. – Присказка Иджа. – Пришлю тебе весточку.

А потом, через пару дней, пришел вызов – собираться в Башню.

Глава 7

Когда Эладора волнуется, то болтает без умолку. Никак не отлипнет от Кари, пока обе идут по Университетскому округу под ручку, словно парочка обычных учениц. Ничего особенного, просто две девушки пошли прогуляться, ожидая, когда одну из них посетит невероятное видение, когда город встанет на дыбы и опрокинется к ней в мозг. Ничего особенного, просто две девушки, а за ними шлепает невидимый Мирен – угрюмый, как сторожевой пес. Кари все пытается его отследить, но ее постоянно отвлекает Эладора.

Сейчас Кари предъявляют перечень всего, что случилось, когда она сбежала, и завуалированное обвинение в том, что она неблагодарная корова, коль не ценила кров, дарованный тетей Сильвой. Эту повесть Кари слышит в третий раз – за последние два дня.

– Мы, само собой, писали в дозор, вдруг ты *здесь* объявишься. Мы даже нанимали ловца воров тебя искать, точно ты взломщик какой, а матушку, конечно, категорически унижало, когда эдакий головорез рыскал у нас возле дома и лез с вопросами. Кажется, он подозревал, что мы за это как-то в ответе, представляешь! Как будто мы тебя запирали в подвале и заставляли прислуживать...

– Я оставила записку, – буркнула Кари.

– Да что же это за объяснение такое? Дескать, тебе тревожно. Дескать, видишь ли, тебе *неуютно*. Знаешь, что на самом деле неуютно? Это когда на поминках на десятый год все меня за тебя принимают! Куча народу, я их знать не знаю, подходят и соболезнают по поводу кончины *моего* отца, а он-то рядом со мной сидит и краснеет, как свекольная свечка! А другие шептались, мол, мы тут тоже *замешаны*, будто это мы прокрались в дом и всех там поубивали.

– Так это не вы? – То ли она хотела сдохнуть, то ли съязвить, но Эладора явно не собиралась шутить на эту тему. Наверно, лучше бы Кари тоже помалкивать. Все-таки это ее отец, ее семья и все прочее, но при жизни они казались ей чужими – и оставались чужие мертвыми.

Эладоре наверняка хотелось дунуть отсюда подальше, но надо было держать Кари под руку ради профессора Онгента. Сестра утешилась тем, что больно дернула Кари, ведя за собой в переулок, и еще заставила при этом больно споткнуться.

– Ты говоришь ужасные вещи. Мать просто *опустошило*. А где носило тебя? По кораблям чужестранцев – и одни боги знают, чем ты там занималась.

Если честно, Кари до конца и не помнила, что погнало ее в путь. Очень давно это было, и из жизни в доме тети Сильвы ей нравилось вспоминать лишь чердак да старые сараи на заднем дворе. Она лазила по ним часами, исследовала. Сломанные инструменты, пустые бочки и клетки. Прочие неопознанные предметы из прошлой жизни сельской фермы, что ныне оказались не к месту в ее новом воплощении загородной усадьбы. Кари завораживал этот хлам: ржавые вещи-занозы под кожей жилища. На ум пришли лекции Онгента по археологии, но он сокращал бывшее до отдельных событий, до поминального списка уже свершенных деяний и уже разрушенных городов. Такое чувство, будто профессор кого-то заживо хоронит. Это привело ее мысли к Шпату.

Уже тогда ей было известно: чего бы она ни искала – не найдет ни в загородном доме тети Сильвы, ни в книгах, которые тетя заставляла читать, полных благих наставлений и мудрых мыслей. Ей самой нравились только те книги, где описывались иные края, заморские земли.

Тихо, как тень, рядом пристроился Мирен.

– Что-нибудь чувствуешь, Кариллон? Не избавлюсь от *ощущения*, будто ты не стараешься, – тараторила Эладора. – Не стану притворяться, будто понимаю суть явления, но уверена, ты могла бы стараться и поусерднее. Ты уже делала записи? Почерк у тебя отвратительный, но разве это мешает прилежно вести дневник? Ты не настолько сведуща, чтобы судить, что важно.

– Нет, – призналась Кари. Ей бы солгать, – пришла мысль, – чего-нибудь выдумать, а то вдруг Мирен доложит отцу, и тот прекратит потакать своей странной прихоти. Мирен, как узнала она, тоже жил с ними на улице Желаний, хотя у него, видимо, свой способ приходить и уходить тайком, потому как ни за что не поймешь, дома ли он, не услышит ли. Обман напрягал ее теперь не так остро. Афера длилась уже два дня кряду, и свобода от жутковатой тюрьмы ловца воров лишь слегка перевешивала тягостную повинность не удавить Эладору. Кари не так боязно было идти на грабеж, как изображать воспитанную студентку, но она будет дурой, если попросту все бросит, не разобравшись, что случилось той ночью, когда они вломились в Башню. Может, у нее получится сочинить еще что-нибудь про упырей.

– В этом вся ты, – фыркнула Эладора.

Разъяренная, Кари отклонилась от задуманного маршрута по университетским предместьям, на перекрестке свернула направо, а не налево. По булыжникам вдогонку зацокали черные туфли Эладоры. Мирен, как тень Кари, без усилий подстроил шаг. Краткий мрак под аркой, потом гул толпы резко возрос, когда они ступили на широкую улицу на Священном холме. Серые рясы студентов разбавили черные – жрецов и священников. Зашумели уличные зазывалы, продавцы мощей, попрошайки рядом с возами. Кари накинула капюшон: любой просящий милостыню калека в два счета продаст ее Хейнрейлу. Она ускорила шаг вдоль по улице Святого Бархуса, что лепилась к восточному, отвесному скату холма. На правой стороне у всех сооружений имелось по два ряда входных дверей. Одни открывались сюда, на Святого Бархуса, но зайти внутрь, спустись на пару этажей и обнаружишь второй ряд – выходы на проспект Цветов. Кари повернула к спуску с нелепо скошенными ступенями.

– Почти полдень, – пожаловалась Эладора. – Надо бы сходить...

ГДЕ ОТКРЫВАЮЩАЯ ГДЕ НАША СЕСТРА НАША СУТЬ НАША ТЕНЬ

Шум разметал Кари. Несравнимо громче, бесконечно ближе, чем удар грома. Она пошатнулась, наверняка это выстрел – прямиком в голову с близкого расстояния. Ничто другое не вызовет такой всепоглощающий грохот. Или на город обрушилось какое-то алхимическое оружие всеобщей гибели, драконья бомба, навряд ли той, что поразила Джашан. Она заелозила ладонями по лицу, ошупью искала кровь, разверстую рану. Может, вообще все ее кости растолкло взрывом в порошок?

– ...На, – произносит Эладора, не ведая о крошечном разрушении Кари.

Пятьсот сорок четыре пары ног проходят по телу Кари. Черви копошатся под ее кожей, собираются в огромный ком в животе. Снуют сквозь распростертые руки. Шелестят сквозь пустоты в ногах. Позвоночник – это канат, великаны дергают за него и звенят ее головой. Она высотой четырехста футов, валко колыхнется над городом. Она чувствует едкий запах алхимических литейных цехов, видит острова в гавани, крапинки судов на фоне бликов полуденного солнца в воде.

...Обед...

Двое людей, один из них очень стар и слеп, мужчина и женщина. Опять рясы жрецов. Их тоже сейчас убьют, разматают у нее на глазах? Она не вынесет на это смотреть. У женщины под накидкой кольчуга. Можно ошупать любое колечко, любую заклепку. Прочувствовать вес меча за поясом и пистолета на правом бедре. Она знала, что женщина сильно устала и недавно мылась, избавлялась от пыли улиц и подземных туннелей. Пахло свежей водой, застоялым ладаном и слегка пованивало мочой из-за постыдного недержания старика. Кари воспринимала и слабость его ног, и ломоту в хрупких птичьих костях – совсем хилой опоре, и бешеную тревогу, стучавшую в сердце, пока он внимал докладу, – но слов женщины не услышать. Слова потеряны.

Вот женщина поднимает на Кари глаза – как это у нее получилось, ведь взор самой Кари разбросан миллионом осколков, но все-таки смотрит – и ее застилает огонь.

Кари лежит на земле. Ноги – как намокшие струны. Понятно, она поранилась до синяков и крови. Она что, сверзилась со ступенек и падала до самого низа? Нет, Мирен на месте, он подхватил ее, не дал убиться насмерть. Она попыталась заговорить, во рту вкус рвоты. Ошарашенная Эладора неуклюже ищет блокнот, будто Кари всего лишь образец для наблюдений. Кругом толпа, ахает, перешептывается.

Дурнота, словно миллион мурашей, ползает в животе, сквозь вены, облепляет сердце, неуклонным маршем взбирается по хребту. **ЧУ ПРЕДВЕСТНИЦА КРОВЬ МОЕЙ КРОВИ ДИТЯ МОЕГО ДИТЯ ВЕРНУЛАСЬ РАДИ ВОЗВРАЩЕНИЯ**

– Заберите меня отсюда, – взмолилась Кари. Череп грозил расколоться. Перед глазами троилось, не меньше – как если бы мир разбился на стеклянные призмы. Накатила очередная волна тошноты, три волны, захлестывали, сталкивались. Кажется, она закричала, а может, нет. Больше она не чувствовала свое тело, она слишком велика, искусственные, твердокаменные распорки смели ее плоть и кости. Подцепила заразу от Шпата, в помрачении подумалось ей.

Мирен с Эладорой ее подняли, понесли в гору – это кратчайший путь до университета, но с каждым шагом боль нестерпимо росла. Бой трех кувалд вминался ей в голову, снова и снова.

– Вниз, вниз, – просипела она. Неясно, слышно ли им, неизвестно, сохранился ли язык, чтоб ей разговаривать. Она ослепла, но почувствовала, как солнце меняет положение на лице, и догадалась – ее поняли. Если б могла, она возблагодарила бы богов.

Они враскачку поковыляли вниз по склону, по спускам улочек и каскадам лестниц, к побережью Блестки. Видения схлестывались и сражались друг с другом в сознании Кари, но с каждым шагом их давление спадало, пока неожиданно они не исчезли все сразу, и тогда все разом стихло.

Мирен почувствовал ее облегчение и отпустил Кари. Эладора пошатнулась от добавочной тяжести, и Мирен втолкнул их в переулок.

Он держал высвободившиеся руки неподалеку от ножа и провожал взглядом горстку людей из толпы, которые увязались следом, пока они наспех спускались. Вероятно, некоторые заметили не только то, как пьяной студентке поплохело под сенью святейших городских храмов.

Кари сплюнула, избавляясь от рвотных привкусов. Сердце несло во всю прыть, она до изнеможения устала, но другого вреда, кроме головной боли, это, вернее, эти – видения – вроде не причинили. Тем не менее она лежала на обочине и чувствовала себя разбитой вазой. Ее куски снова склеили, но не было уверенности, что они опять не развалятся.

Эладора строчила в записной книжке.

– Ровно... полдень.

– Я разговаривала?

– В некотором роде. В основном несла чушь. Я все записала.

– Дай посмотреть.

Эладора отдернула блокнот.

– Сначала пусть посмотрит профессор Онгент.

Сейчас нету сил спорить.

– Замечательно.

– Ты что-нибудь видела? – Перо Эладоры дрожало.

– Целый хор картин... в основном про церковь. Почему я вижу церкви?

– Боги зовут скитальцу домой, – предположил Мирен. Первый раз он заговорил при Кари. Голос у него писклявее, чем она ждала, моложе и со смешинкой.

– Сомнительно как-то. – Кари подняла глаза на Священный холм. Лучи солнца ослепительно отражались от белого мрамора трех великих соборов, закружилась голова. Невыносимо представить обратный путь в университет той же дорогой.

Мирен помог ей привстать. Она привалилась к нему и позволила довести себя до кафе на углу. Эладора заказала всем троим, и от еды стало лучше. Кари сожрала все до крошки. Эладора элегантно обкусала сэндвич и половину оставила на тарелке. Мирен свою порцию расчленил: отделил мясо, хлеб и наполнитель, распищал по тарелке так, чтобы составные элементы лежали поодиночке и не соприкасались – а потом съел все по очереди. Кари своровала остатки у Эладоры и тоже проглотила. Через какое-то время она более-менее почувствовала себя собой.

– Пойдемте обратно к университету, – настойчиво молвила Эладора, поднимаясь со стула. Подскочил кто-то из obsługi, и она оплатила счет монетой, которой хватило бы Кари на взнос за свою половину Шпатовой квартиры за большую часть месяца.

– Не сразу, – сказала Кари. И двинулась на спуск, через Дол Блестки, выбрав кружной путь домой, лишь бы подальше от кошмаров Священного холма. Эладора поспешала следом, пугаясь опасных улиц, как прибитый щенок. В страхах родственницы Кари черпала злорадное удовольствие – с Мойки Эладора улепетывала бы с криком. Мирен шел на расстоянии от них, блуждая в собственных мыслях.

Они выбрались на улицу Философов, главную дорогу района, и толчея здесь сгустилась. По улице гроыхала вереница повозок. На борту каждой – знак гильдии алхимиков. Красные флажки предупреждали об опасности, и народ расступался, пропуская повозки, подобно тому, как тает тонкий лед, стоит поднести раскаленное железо. Кари почудился странный отголосок того, что нашло на нее под звон церковного колокола. Повозки накрыты, но она догадывалась, что в них – обугленные обломки и горелые доски Палаты Закона. Точечные ранки на лице начало жечь, а из желудка поперла болезненная дурнота.

Эладора оторопело уставилась на нее.

– Чего?

– Ты плачешь, – ответила Эладора. Кари дотронулась до щеки. Щека оказалась мокрой, по ожогам и шрамам текли соленые слезы. Она годами не плакала, тем более так. *Это похоронное шествие*, подумалось ей, и пришлось против воли посмотреть на телеги, чтобы напомнить себе: на них везут мусор, а не тело того, кто ей дорог.

Как будто у нее были те, кто ей дорог.

Повозки проталкивались через толпу, размеренно проезжали Дол Блестки в направлении квартала Алхимиков. Его дымовые трубы и охладительные башни поднимались над мысом сваленного в залив камня. Тучи желтого дыма нависали над башнями и отражались в илистых водах бухты. Новые городские храмы промышленности, соборы более грандиозные и величавые, чем те хлипкие часовенки наверху Священного холма, затмевают богов Хранителей. Вспыхивает флогистон. Шипит кислота.

Страх охватывает Кари, невиданный доселе ужас, неестественный, *пришлый* страх. По привычке воришки она закусывает губу, чтобы не заорать. Кровь бежит по подбородку, а она вытаращилась на растопыренные пальцы труб, и на мгновение кожу опалил немыслимый жар, окатил язык пламени, до того горячего, что она неминуемо должна расплавиться. Солнце покачнулось и ушло, и она опять начала падать.

И тогда Мирен поймал ее за руку и втащил обратно в переулок, а мимо шли сальники, и их грубо сляпанные лица изучали окрестности, нет ли здесь известных им нарушителей закона. Противиться напору сына профессора оказалось бессмысленно, и он повел Кари задворками и скрытными ходами Дола Блестки назад, к пыльному отцовскому кабинету над четырехугольником зеленой травы во дворе.

Эладора кипела от избытка сведений.

– *Первый* приступ произошел у нее в полдень, профессор. Она закатила глаза и упала на ступенях возле пекарни Фентона. В этот раз опять активировалась речь, но даже я не понимала

ни слова. Возможно, это был прототейенианский язык, поэтому с помощью записанных звуков вы могли бы...

Онгент снисходительно улыбнулся.

– Эладора, будь так добра, принеси мне библиотечный том «Духовной и светской архитектуры в Пепельную эпоху» Талиса.

– Но я сделала заметки. – Эладора бряцала пачкой листов, взятой, какой покупается доступ в профессорский кабинет.

Онгент деликатно, но твердо забрал у нее бумаги и показал на дверь.

– Спешить некуда. До вечера еще долго.

Эладора кинула умоляющий взгляд на Мирена – тот занял место возле двери и ножом чистил ногти. И головой не повел, когда отец закрыл за Эладорой дверь.

Онгент обратился к Кари, беспокойно ерзавшей посреди комнаты. Пульсация головной боли прошла, но по-прежнему давит слабость и глаза щипало от слез.

– Значит, происходило это дважды, – сказал Онгент. – Не более?

– Разве только в снах. Я их не помню. Сегодня первый раз после тюрьмы, как я... – Кари подыскивала правильное определение. – Потеряла себя.

Онгент велел ей присесть. Пришлось сгрести ворох листов и прочего хлама, чтобы расчистить местечко на диване. Онгент стоял у окна, заложив руки за спину, потом резко втянул воздух. Кари узнала эту повадку – прошлым утром он так же открывал свою лекцию. Она непроизвольно зевнула.

– За пределом материального царства существуют стихийно-элементарные и духовные силы, – начал Онгент. – Различные культуры обладали широким набором способов как для описания, так и применения этих сил на практике. Ты назвала бы их чарами или колдовством, божьими чудесами или происками демонов. Бесконтрольные, эти силы разрушительно воздействуют на материальный мир, поэтому их необходимо аккуратно сдерживать или заключать в нужные нам формы. Чародейство, к примеру, есть искусство обуздывать вольную мощь первостихий. Чародей привлекает эти дикие силы в материальный мир, одновременно пропуская их через разум, и сознанием упорядочивает их структуру, выстраивает в пригодной и полезной конфигурации, которую простодушный человек назовет заклинанием. Подобным образом алхимия пробуждает волшебную энергию, сокрытую в определенных соединениях вещества, и – в сцеплении с катализаторами и собственной волей алхимика – вызывает реакции, что придают той энергии форму и направление.

Онгент, судя по голосу, развлекался, словно рассказывал длинный анекдот, только без смешной концовки. Кари знала, что такого рода рассуждения о колдовстве новы и противоречат традициям. Поколение тому назад Онгента-еретика сожгли бы у столба. Даже сейчас, выскажись он в подобном ключе в Уль-Таэне или Ишмире. Вместо этого Онгенту-профессору неплохо платят за то, что он раскладывает все на свете по миленьким умозрительным сундучкам. Кари не доверяла простым объяснениям. Улицы научили ее тому, что в простейшей вещи таится невидимый сложный подвох.

– А теперь обратимся к богам – не за наставлением или спасением, но как к предметам исследований. Божества, демоны и другие сверхъестественные сущности могут расцениваться как самоподдерживающиеся структуры первородного хаоса. Они могли наращиваться естественным путем, либо многие поколения поклонников своей слепой верой неосознанно оттачивали их форму. Такие самоподдерживающиеся структуры способны пропускать стихийную энергию сквозь гармонирующие с ними души – или, говоря иначе, святые являют в мир занебесную духовную благодать.

– Вы думаете, я святая? – с виду небрежно усмехнулась Кари, но мысль ее испугала. В Северасте, в храме, где она танцевала, жил святой. Молодой парень. Когда Танцор овладевал им, парень взмывал в воздух, буйно дрыгал ногами и закатывал очи. Чтобы не прогло-

тить язык, он носил специальную ритуальную маску. Старшие священники толковали линии и знаки, которые чертила в воздухе его пляска, по произвольным рывкам конечностей гадали о будущем. Она была рядом, когда Танцор сломал парня. Его позвоночник хрустнул, голова запрокинулась, но танец длился и длился еще несколько часов, пляс несчастной марионетки незримых сил.

А еще была Божья война – к тем краям она не осмеливалась плыть, но слыхала рассказы. О том, как некоторые боги обезумели, обуянные жаждой лить кровь и нести ужас, превратили своих угодников в орудия гибели и творили кошмарные чудеса. У любой силы есть своя цена, и необходимо твердо знать, во что ей встанут эти видения.

– Не исключено. Большинство святых – приверженцы той или иной веры, но пути богов прихотливы и непостижимы. Ты могла привлечь внимание одного из божеств. Как магнит притягивает булыжник, по воле случая богатый, э-э, железом.

– Мне грезятся церкви, – согласилась она. – Нищего Праведника... и еще одна, тоже Хранителей. – До реформ вера Хранителей господствовала в городе. Поколением ранее как раз они бы Онгента и сожгли.

– Тише. – Онгент сел рядом, неуютно близко. – Кариллон, не буду лгать. Твой дар опасен. Городские власти косо смотрят на неизвестных святых и неучтенное волшебство. Что еще важнее – если ты не научишься обуздывать, управлять им, оно может угрожать твоей жизни и безопасности тех, кто тебя окружает. Если я продолжу исследования, а Эладора будет столь же скрупулезно вести записи, то, возможно, нам удастся раскрыть природу твоего дара, постичь, какая сила пытается через тебя говорить, но это займет много времени.

– Тут имеется «или». – Кари уловила в его голосе колебания.

– Имеется выбор. У меня самого есть крупица способностей к волшебству. С твоего позволения мы сможем попробовать поворожить вместе. Провести, э-э, обряд и выявить какую бы то ни было нечаянную духовную связь.

Нутро Кари велит ей бежать – и немедленно. Онгент слишком близко, чересчур довлеет. От него идет запах – пыль и старческий пот под завесой табачного дыма. Бывшая Кари, пару дней ранее, схватилась бы за нож или кинулась за дверь, но куда она от этого убежит?

– Ладно.

– Хорошо, так и сделаем. Потерпи минутку. – Онгент поднялся с дивана и зашарил по комнате, собирая ритуальные принадлежности. Череп, стеклянные пузырьки, медный прибор со множеством рычажков и линз, золотое перо. – Расчисти, будь добра, стол. – Он махнул на штабель книг и документов возле дивана. Кари подняла одну книгу и совершила открытие – под низом действительно находился старый потрепанный столик. Бумаги она посваливала на пол. Столешницу из полированного дерева покрывали серебряные руны.

– Не стоит кричать об этом на каждом углу, – шепнул ей Онгент. – Волхование до сих пор считается сомнительной областью исследований, даже в нашу эпоху свободомыслия. «Иди в алхимию» – вот что обычно говорят перспективным студентам. Наплюй на фундаментальные основы и историческую теорию, отправляйся зашибать деньги! Тьфу! – Он уже разговаривал сам с собой, расставляя рабочие материалы на столике. Завел колесико на медном устройстве, и глазницы черепа начали мигать колышущимся багровым светом.

– Вы сказали, определите, который бог пытается со мной заговорить. И что тогда? Вы это сумеете прекратить? Или мне надо будет показаться его церковникам и попросить помочь их?

– Отличные вопросы, моя милая, ответы всецело зависят от наших результатов. Давай браться за дела по порядку. – Он погасил лампу над письменной доской, погрузив комнату во мрак, не считая багрового свечения черепа. В его мерцании кожа Кари побледнела, подобно призраку; нечетко выделялись очертания Онгента. Ей будто слышался шепот, глухой, очень тихий – но это, должно быть, разыгралось воображение. Что-то прошелестело по листам, которые она спихнула со стола. В комнате стало сдавленно, гнетуще, таинственно – как в храме

за секунды до явления божества. Кари сидела на краешке дивана и боролась с неодолимым порывом упасть на колени.

Это напомнило ей верхотуру в доме у тети Сильвы. Задняя лестница поднималась на старые мансарды. Их построил некий былой обитатель, а при нынешнем хозяйстве они оказались излишни. Те помещения были доверху набиты странной, диковинной утварью. Там валялся старый фермерский инструмент, старинные книги, старинные сокровища, раскиданные и притягательные. Некоторые орудия были острыми, ржавыми, и Сильва велела ей там не лазать. Маленькая Кари лежала в своей спальне и мечтала о чудесах запретных мансард, но когда позже она в самом деле забралась наверх, отперла дверь и заглянула туда, то ничего не нашла, кроме пыли и рухляди. Ребенком она поверила в то, что с ее появлением какая-то душа или сущность покинула чердак. Слишком хрупкое чудо не снесло вторжения, а может, она пришла неподготовленная и без подношений, поэтому нечем было соблазнить его остаться. Теперь у нее такое же чувство: она на пороге чего-то страшного, и вместе с тем хрупкого и изумительно-неземного.

Онгент бродил в темноте. Послышался стук, когда он рассадил колено о столик.

– Ай! Уй, уф-уф. – Он дохромал до окна, распахнул его. Кабинет затопил свет. Ожидание чудес пропало, его вытеснило другое чувство. Она открылась, и ее обнаружили! Она сморгнула, перед глазами мельтешит после вспышки: насекомые, с ее кулак, извиваются на столе, пришипленные сверкающими копьями. На самом деле их нет, как нет и лиц, что пристально вглядываются в окно позади Онгента. Наверное, это череп сделал ее более восприимчивой к невидимым силам.

Ученый тяжело опустился к ней на диван.

– Готова, Кариллон?

Она закрыла глаза, зажмурила плотно-плотно, до боли. Когда огляделась снова, наваждения пропали – только Онгент сидит и держит светящийся череп, на лице заботливое беспокойство.

– Да, давайте попробуем.

– Возьми-ка этот талисман, пожалуйста. Не отпускай. – Он вручил ей череп. Ладоням горячо. Тоненькие завитки загадочной, тайной энергии с потрескиванием выползли из глазниц и обвилились вокруг ее пальцев.

Онгент пробормотал несколько слов. Ничего не случилось. Он приладил медный инструмент, открыл флакон с едким снадобьем и смазал гладкую макушку черепа, а потом попробовал снова.

И опять ничего.

– Должно ли что-то...

– Ш-ш.

Онгент встал, прошелся обратно к окну, погруженный в раздумья. Уставился на город.

– Не отпускай череп, – приказал он.

Она сидела на месте, глупо сжимала череп, прислушивалась к отзвукам университетского двора за окном и к тяжелому дыханию Онгента. *Ничего* продолжало тянуться.

Потом оно ударило ее, потащило вниз и одновременно вверх. Она увидела город под дюжиной разных углов, и виды перекрывались. Крошечные многоногие существа ползали по ее костям. Вода плескалась в ее желудке. Ее левая рука в огне, зато правая – здесь, на черепе – невредима. В ушах вопят и режут голоса. И это она не вся, *ее больше*, чем полагалось, словно есть конечности или органы, о которых она не ведала вовсе, есть хвост, что разматывал кольца и тянулся глубоко вниз, в темноту.

Взор становится отстраненным и спутанным. Сейчас Кари глядит из глазниц черепа в своих руках, глядит на собственное лицо. Ее рот шевелится, слова проклевываются, как жирные личинки, но ушей у нее нет, и она только смотрит. Не узнает себя в серой рясе студентки, с

чистым лицом и причесанными волосами. Шрамики горят неестественным светом. Она хочет закричать, выпалить себе страшное предупреждение, но у черепа челюсти – и то нет. Онгент вырастает позади Кари – позади нее, миг вне тела, – и она уже забывает, кто такая сама, растворенная в этом потоке. Он кладет ей руки на плечи, что-то шепчет – ей или той твари, что говорит ее ртом.

Она пробует вернуться в тело, но спотыкается. Мир вокруг нее не просто потемнел, а отсутствует. Лишилась зрения. Она проваливается сквозь все слои Гвердона, чувствует, как волны разбиваются о валы ее хребтины, и вес складов, гулких храмов, людных рынков – а под ними всеми подземный мир, могильно-стылый и извилистый. Затем глубже. Она осязает лютую, немилосердную скорость падения в недра. Она вкушает грязь и перегной, вспышкой проносится нечто металлическое, злой химический привкус, а затем камень и камень. И камень. И кровь. В ушах стремительный свист, точно миллион подземных тягачей взвыл в туннелях. Черви ползут по ней, потом заползают под кожу, отделяя плоть от костей.

А потом она в незнакомом зале, в святилище – огня нет, но у нее очень много глаз, и она видит. Присутствие силы вокруг нее, как тень на душе. Кожа становится холодна и тверда, как железо. Ее рот – рты – молвят, не шевелясь:

СОЙДИ О ДОЧЬ

Это ее голос, хор ее голосов, но он вдобавок густой, обволакивающий и совершенно нечеловечий. Чуждое присутствие грозит сокрушить ее. Она тонет в нем. В панике молотит ногами...

...И у ее горла нож, холодная сталь впивается в шею, кровь струится из раны. Молодые, сильные руки хватают ее. Мирен отгаскивает ее от профессора Онгента, а тот, оглушенный, лежит на полу кабинета. У него сломан нос, лицо исцарапано ногтями Кари. Под ногами хрустят осколки волшебного черепа.

Мирен поставил ее прямо, а потом проделал что-то ногой и коленом – и поясницу прострелила невероятная боль, а ее нога онемела. Он крепче прижал нож и зарычал – буквально зарычал, животным звуком с оттенком вопроса – на отца.

– Все хорошо, Мирен. Отпусти ее. Тихонько. – Профессор перевалился на кресло и промокнул окровавленный нос платком в пятнах. Мирен опять скрутил Кари: одной рукой обхватил плечи и ткнул кулаком в спину. Ее правая рука оцепенело повисла. Он швырнул ее на диван, а сам встал между ней и Онгентом, глаза горят, ноздри раздуваются мелкими вдохами: сторожевой пес не дает нарушителю ступить за порог.

Тишину прерывал только кашель переводящего дух профессора да тихая матерщина Кари. Мирен неотличимо сливался с тишиной. Подобно привидению, он пересек комнату и закрыл окно, отсекая внешний мир. Нож по-прежнему в руке, и Кари внимательно за ним наблюдала.

– Что ж, – сказал Онгент, – прошло блестяще.

– Разве? – отозвалась Кари. – Я видела только... Не знаю. Можно попить?

– Непременно. – Онгент залихватски ей ухмыльнулся, но заляпанное кровью лицо не шибко ее ободряло. – Мирен, возьми, пожалуйста, Кариллон и... стой, нет. Иди найди Эладору, и пусть она отведет Кариллон домой. А потом немедленно ступай обратно. У нас много работы.

Мирен выскользнул из комнаты, кинжал исчез под серой накидкой. Ряса же Кари в крови – в основном профессорской и немного собственной. Она попыталась спрятать ее между складок.

– Простите за нос, – пробормотала она. Извинения всегда нелегко ей давались. – И за ваш череп.

– Пустяки, пустяки. Во время оно правители Уль-Таэна перед каждым обрядом приносили в жертву ребенка для защиты от гневливых божеств. Остерегаясь подобных вмешательств, вокруг Кхебеша вознесли Призрачные Стены. По большому счету, дитя, с учетом задействи-

ванных сил, один не первой свежести нос да приспособка для волхования – совсем скромные жертвы.

– Так значит, сработало? Вы вычислили, который бог... – Кари замешкалась, будто спрос завершил бы некое заклятие и сделал бы ее судьбу неотвратимой.

– О нет, к сожалению, нет, – проговорил Онгент, – возникшие энергии оказались куда как чересчур могучи, и мой скромный прибор их не выдержал. Боюсь, мне потребуется повторить опыт, взяв линейку помасштабнее. Но. – Он опять ухмыльнулся, еще жутче прежнего. – Это явно подтверждает мою теорию! Некая божественная суть говорит твоими устами, Кариллон Тай, и я помогу тебе ее приручить.

Глава 8

Крыс в стенах.

Сегодня заведение переполнено. Воздух насыщен людскими ароматами, запахи цепляются к ним, как неизгладимые метки. Со своей повышенной восприимчивостью упырь чувствует, как каждую личность окутывают ее прошлые занятия. Моряков выделить легче легкого. Просоленные, обветренные – а под этим нездешние веяния дальних портов. Гашиш и пряности Севераста. Рыба, сыр и квашеное молоко из Старого Хайта. Из Ишмиры, с Войны богов – фимиам битвы, острый вкус колдовства. Местные гвердонцы – в основном портовые работяги – пахнут, кроме пота, по-другому: резкий алхимический смрад, отрывка фабричных дымоходов. Нынче в Гвердоне она повсюду. Воров он тоже в состоянии распознать. Это те, от кого несет страхом.

Он ошивался с краю большого шумного зала, поодаль и от давки у барной стойки посередине, и от круга деревянных столиков в полумраке. Хейнрейл здесь назначил им встречу после работы в Палате Закона, однако Крыс опоздал на сутки благодаря неожиданному крюку с Алиной по подземельям.

Он на взводе с тех самых пор, как расстался со святой посланницей Хранителей, после того как они выбрались на поверхность. Дергался, выходя из очередного безымянного, неосвещенного упырьего туннеля к знакомой трассе подземки, жался к стене, когда поезд грохотал и плевался из алхимического двигателя голубыми искрами. Женщина поблагодарила его за службу, пробормотала, что все деньги просыпались из порванной котомки, и пошла навстречу огням ближайшей платформы. И на этом все, его обязательство перед старейшими упырями исполнено.

Назойливые помыслы старейшины до сих пор вкручивались ему в башку раскаленной проволокой, хотя мозговая ткань Крыса панически боялась их обдумывать. Он хотел поправиться крепким пойлом – а еще лучше добрым ломтем мертвечины, но здесь не подают упырям.

Крысу это заведение не нравилось. Слишком много народу, слишком много глаз. А ему еще следить за червеглазыми, спасибо Алине. О чем он думал, когда разозлил ползущего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.